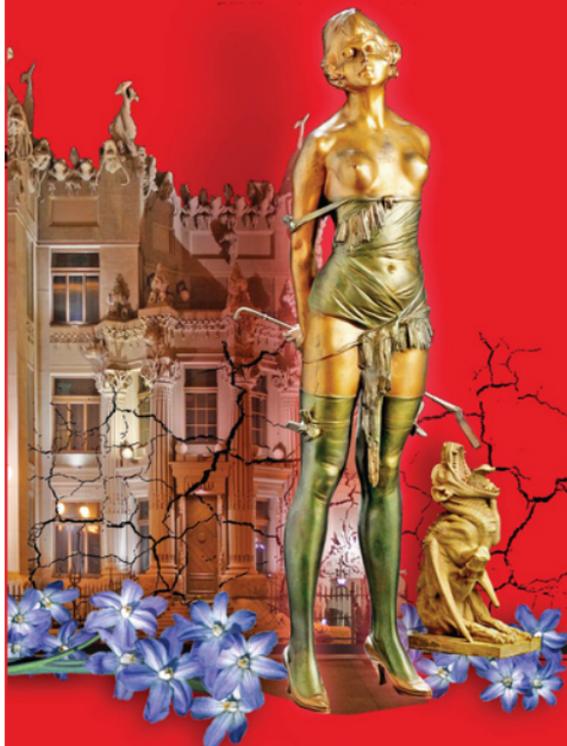

Инна Баринская

Детектив
сильных
страстей

Дом
с химерами

Инна Юрьевна Бачинская

Дом с химерами

Серия «Королевская охота», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11079536

Бачинская, Инна Юрьевна. Дом с химерами : роман: Эксмо; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-81575-3

Аннотация

Екатерина Берест, владелица охранного агентства «Королевская охота», давно ничего не слышала о своей бывшей однокласснице Ларе, яркой красавице, за которой бегало полшколы. Знала только, что Лара вышла замуж за известного художника Андрейченко... Вениамин Андрейченко внезапно позвонил Екатерине со странной просьбой: встретиться и поговорить о его жене. Оказалось, Лары больше нет – неизвестный задушил женщину ее собственным розовым шарфом с блестками. Потом убийца зачем-то включил телевизор и остановился на канале, показывающем конкурс бальных танцев... Екатерина ничем не смогла помочь безутешному мужу – она так и не поняла толком, зачем они встречались. Но она решила провести собственное расследование, и оно привело ее в бывшее актерское общежитие, ныне пустующий

полуразрушенный особняк на окраине, завоевавший среди горожан недобрую славу и прозвище «Дом с химерами»...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	53
Глава 6	60
Глава 7	71
Глава 8	78
Глава 9	83
Глава 10	93
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Инна Бачинская

Дом с химерами

...а кроме того, в жизни полно всякого такого, чему и название-то придумать трудно! Чертовщина – не чертовщина... Кто-то верит, кто-то нет, но у каждого есть что сказать по данному поводу. Даже продвинутые люди, умнейшие, образованнейшие, гордость передовой науки и страны в целом – и те не чужды, так сказать, удовольствия порассуждать насчет привидений, полтергейстов, призраков и проклятия старых могил...

Неизвестный автор. Из Лекции номер тринадцать Эзотерического цикла чтений о непознанном и непознаваемом.

Все действующие лица и события романа вымышлены. Всякое сходство их с реальными людьми и событиями абсолютно случайно.

Автор

© Бачинская И.Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

...Молодая женщина неподвижно лежала на ковре у двери прямо в полоске света, падающей из прихожей. Люстра в гостиной не горела, и комната была наполнена неверными разноцветными бликами от экрана работающего телевизора. Показывали конкурс бальных танцев из Лондона. Гибкая смуглая пара скользила по круглому залу в ритмах танго. Он в черном фраке, она – с гладко причесанной головой, в ярко-красном длинном платье ярусами, с разрезом, открывающим бедро, в черных туфельках на каблуках... Зрители восторженно хлопали после каждого отточенного движения...

Женщина лежала в неудобной позе, слегка завалившись на бок, разбросав руки. Короткая юбочка, топик на бретельках... На правой ноге – красная атласная туфелька, левая – босая. Длинные белые волосы; голова повернута к телевизору – светлые глаза устремлены на экран. На полу – разорванная цепочка белого металла с синим камешком и вязанная крючком шапочка-шлем... Розовый шарф с блестками...

Комната утопала в полумраке. От прихожей, где горел плафон, бежала длинная световая дорожка...

Красивая мебель: большой мягкий диван цвета топленого молока, на нем – с десятков подушечек: круглых, в виде сердца, длинных, с кистями... Желтые, зеленые, темно-оранжевые, вышитые и гобеленовые. Буфет-ретро – деликатный

блеск хрусталя за стеклом; картины на стенах; полированный журнальный столик; светлый ковер с завернувшимся краем; задернутые бордовые драпри тяжелой ткани на окнах; кресло в углу комнаты под негорящим торшером из дерева и металла – темно-желтый абажур с длинными кистями, которые чуть шевелил поток воздуха...

Плоский экран телевизора на стене против дивана... Громкая музыка – танго, танцевали мужчина и женщина... Экзотическая пара...

В комнате стояла удивительная, потусторонняя тишина, которую нарушал лишь мерный скребущий звук – жесткая тяжелая портьера слегка раскачивалась в потоке воздуха и скребла по полу...

Сквозняк раскачивал также незапертую входную дверь – ее, видимо, с силой и поспешно захлопнули, она ударилась о косяк, но автоматический замок не сработал, и она осталась приоткрытой.

Снаружи раздался негромкий звук остановившегося лифта, слабое чмоканье отодвигаемой панели и затем – стремительные шаги. Они замерли у двери; человек медлил, раздумывая, – незапертая дверь его озадачила. Он осторожно толкнул ее...

В прихожей горел неяркий светильник, озаряя шкаф во всю стену с зеркалами и комод, на котором стояла ваза с сухими цветами. Человек заметил на полу длинный розовый шарф и остановился в удивлении. Стараясь ступить бесшум-

но, он сделал шаг к двери в гостиную и застыл, резко втянув в себя воздух, когда увидел лежащую на полу женщину. Человек стоял на пороге, рассматривая ее: светлые волосы, разметавшиеся по полу, разбросанные руки ладонями кверху, острые коленки; взгляд его приковали три ярких предмета в полосе света: синий камешек на цепочке белого металла, красная атласная туфелька под стеклянным журнальным столиком и белая, вязанная крючком шапочка...

Человек резко повернулся и бросился вон. На сей раз дверь захлопнулась по-настоящему, перестало тянуть сквознячком, и тотчас же прекратился неприятный скребущий звук. В квартире наступила тишина...

Глава 1

Екатерина и Галка

*Ах, только бы тройка не сбилась бы с круга,
Бубенчик не смолк под дугой...
Две вечных подруги – любовь и разлука —
Не ходят одна без другой.
Булат Окуджава. «Любовь и разлука»*

Телефон взорвался на рассвете. Я увидела извергающийся вулкан и огненные потоки лавы. Они, трезвоня, сползли по крутым склонам прямо на меня. А я не могла двинуться с места, стояла в ступоре и ужасе под изрыгающей звенящее пламя стеной. Уф! Приснится же... Я схватила трубку.

– Алло! Катюха, ты?

Галка... Подруга детства, девочка с моего двора...¹ Действительно, вулкан – сон в руку. С утречка пораньше, не терпится ей! В последний раз мы общались вечность назад – вчера днем! Она забежала в «Охоту» по пути в детский спортивный лагерь, где обитала тройка малолетних монстриков – Лисочка, Славик и Ритка, на которых поступила жалоба от директора лагеря. Это вам не кот начхал – от самого директора! Галка заскочила ко мне передохнуть и набраться сил

---

¹ История дружбы Екатерины и Галки – в романах «Японский парфюмер» и «Два путника в ночи»; там же – история любви... любовью Екатерины.

перед скандалом с лагерным начальством, а также чтобы выкричать мне, как ее замотало, достало и затюкало собственное семейство, слава богу, хоть любимый супруг свалил по родительскому адресу для релаксации.

– Думала, проведу две недели как белый человек, одна, цельный день в ночной рубашке, отосплюсь, готовить ни фи-га не надо, пройду по лавкам... И на тебе! Облом! – кричала Галка, размахивая руками. На скулах ее выступили красные пятна, короткие, жесткие от лака блондинистые перышки встали дыбом. – Тягают в этот долбаный лагерь каждый день, воспитатели, прости господи! Не умеете с детьми – не лезьте! Если выпрут, куда я их дену? Школа на каникулах, продленка не работает, Павлуша в отпуске!

Павлуша – старшенький, прочно стоящий на ногах и самый положительный из всей команды – спокойный, уравновешенный, с чувством ответственности, что редкость по теперешним временам.

– Просто ума не приложу! – кричит Галка. – Это все Ритка! Это она их с толку сбивает! Убью! Сдам свекрови на все лето, пусть знает! А то и воспитываю не так, и балованные, и ленивые, и то не так, и это! Натe, берите, кушайте любимых внуков! Воспитывайте, как своего недоделанного сыночка! Катюха, ну что мне делать? Может, дунем вместе? Я скажу, что ты вроде как из ментовки, проверить обстановку, вроде как жалобы на них пишут, припугнем, а? Покажешь корочки...

Она смотрела на меня с мольбой и надеждой, но я сказала, что жду клиента, в конторе никого нет, все на боевом задании, Петюша заболел, а моя правая рука пенсионер Гавриленко отпросился к жене на дачу. Потому ну никак не могу! Я знаю Галку: покричит – и прекрасно разберется сама, мне до нее как до неба в умении разрулить конфликтную ситуацию. Тем более боюсь я педагогов, еще со школы, прямо в ступор впадаю, ни слова не могу выдать, только корочками махать... Тоже, между прочим, дурацкая затея. Не те это корочки, хоть и красного цвета.

Зовут меня Екатерина Берест, я владелица охранного предприятия «Королевская охота», доставшегося мне в наследство от дяди Андрея Николаевича Скобелева, мамино-го брата. Правда, тогда это была еще не «Охота», а «Щит и меч», в лучших оперативных традициях. Чем мы занимаемся, возможно, поинтересуется читатель. Отвечу с удовольствием и чувством законной гордости: мы предоставляем охрану и курьерские услуги. Если вам угрожают и нужен телохранитель, или требуется доставить деньги или документы, или предстоит сверхважная встреча, мы приходим на помощь и предлагаем классных ребят. С лицензиями, разумеется, – и умеющих держать язык за зубами. И никаких имен, что всем удобно. Заказы принимаются по телефону за несколько дней – дата, время и количество «охотников». О месте сообщается по телефону за два часа до встречи. Вот так. Все это придумал дядька Андрей Николаевич, сыскарь

до мозга костей, с мощными мозгами аналитика...

Никто не верил, что я, скромная учительница английского языка, потяну «мужской» бизнес, советовали избавиться, спихнуть, пока не поздно, продать; тут же набежали желающие купить – снисходительные крутые альфа-мужики, которые смотрели на меня с кривыми ухмылками представителей высшей расы. Я организовала летучку с «охотниками», призвав дядиного соратника по оперативной работе, ныне пенсионера Гавриленко, и поставила вопрос ребром: что будем делать, ребята? Можно продать – вон очередь стоит, не проблема, и цена вроде ничего, подходящая, но... Но личики у них какие-то сомнительные, да и репутация пятнистая. А «Щит» – чистый красивый бизнес, дядькино детище, в которое он вложил свои понятия о чести и порядочности и просил оставить в семье, не скидывать со счетов, и реноме у нас заслуженное, а эти неизвестно чем будут заниматься, может, наркоторговлей или разбоем. Одним словом – что будем делать, ребята? Прошу честно и откровенно высказать свои соображения и мысли...

– Болт им! – высказал общее мнение Петюша, один из «охотников».

– Подавятся!

– С деньгами нажухают!

– Наберут беспредельщиков!

И еще много всяких эмоциональных высказываний.

– В гробу мы их видали! – подвел черту «охотник» Сла-

вик.

Короче, все осталось, как при дяде, только название... Несмотря на сопротивление, я настояла на «Королевской охоте», которое они тут же заклеямили как выпендренное, бабское и книжное, но которое тем не менее прижилось. «Королевская охота»! Красиво! Так и видишь разноцветную кавалькаду всадников на зеленом лугу – звуки охотничьего рожка, развеваются плюмажи, лают борзые, дует легкий ветерок и светит яркое солнце...

Это было... Ох, сколько же натикало с тех пор? Если, как на войне, год за два, то много. Всякое бывало: и едва не прогорели, и наезжали на нас, и налоговая цеплялась... Но уцелели. Живы-здоровы, кредиты погасили, долги отдали, налоги платим исправно. И реноме заслуженное, все знают.

Личная жизнь... Галка считает, что я сама виновата – не на тех ставлю. Друг сердечный Юрий Алексеевич Югжеев морочил мне голову целых семь лет, появляясь внезапно, как черт из табакерки, и бесследно исчезая. Галка его терпеть не могла, он платил ей тем же. Был еще спортсмен Владик... Запомнился отменным аппетитом, замечательным пищеварением и вечно прекрасным настроением.

Потом появился Ситников Александр Павлович, Галкин супергерой – произносится с закатыванием глаз и придыханием: «С-с-ситникоф-ф-ф!» Ох, этот Ситников! Пришел, увидел, победил и... все. Финита. И плачущая барышня у разбитого корыта.

Не знаю! Не знаю, почему! Я не видела его полгода. Допускаю, я была не права, но имею я право на ошибку или нет? И вообще, женщина не должна звонить первой. А его вечные подколки насчет «Охоты»!.. Галка кричала, что я дура, что такие мужики, как Ситников, на улице не валяются. Конечно, зачем на улице, если можно на царских размеров кожаном диване в миллионерском пентхаусе? После виски и кофе, после трудового дня...

Да продай ты ее к чертовой матери, кричала Галка, эту свою проклятую «Охоту»! Или скинь на пенсионера Гавриленко! Выходи замуж, пока зовет, нарожай детей... И прикуси свой длинный язык, промолчи хоть раз в жизни! Смотри, Катюха, говорила Галка, грозя пальчиком, время тикает, можно опоздать, останешься в девках.

Можно, кто же спорит. Конечно, можно.

На Галкиной шее пятеро оглоедов. Четверо – детишки, пятый – супруг Веник, бездельник и *как бы* поэт. Классное выражение «как бы»! Ни то ни се – а как бы! Как бы поэт, как бы стихи пишет, как бы работает иногда. И никакой тебе как бы ответственности. Как бы отец троим маленьким оглоедам – близнецам Лисочке и Славику и отпетой оторве Ритке, младшенькой. Галкин первенец Павлуша, который родился до брака, вовсе не оглоед, а замечательный и кругом положительный молодой человек – кстати, работает у Ситникова. От него Галке известны все сплетни про моего бывшего бойфренда...

... – Катюха, сядь! – прокричала Галка. – Я тебе сейчас такое!

– Что случилось? – пробормотала я, чувствуя, как екнуло внутри. – Что?

– Сядь, говорю. Села?

– Галина, что с тобой? Я еще не вставала... Сколько сейчас? Господи, шесть утра! Ты что, совсем?

– Лежишь? Еще лучше. Не вставай и слушай! Твой Ситников женится! – выпалила Галка.

Я промолчала.

– Слышишь? Твой Александр женится! Свадьба через три недели! А ведь я говорила! Я предупреждала! А ты как... не знаю кто! Допрыгалась? Работает у Регины Чумаровой, моделька. Тощая, длинная, одета – зашибись! На полголовы длиннее, оглобля! Катюха, ты меня слышишь? И сразу после свадьбы – на Канары!

Я молчала. Потом осторожно положила трубку на рычаг. Легла и накрылась одеялом до самой макушки. В моей голове не было ни одной мысли, она была звонка и пуста, а тело стало невесомым...

Телефон зазвенел снова. Я не шевельнулась. Он все звенел и звенел, противно, настырно, как... как мусорная машина, сумасшедшая цикада, школьный звонок из ночного кошмара...

А я надеялась, что он позвонит и скажет как ни в чем не бывало... Саша, Сашенька... Господи, как больно! Больно,

больно, больно... В сердце, в глазах... И картинки: сверкающий океан, смеющийся Ситников, капельки океанской воды на загорелой коже, на шее – лиана из белых и розовых цветов, подарок от гостиницы в Канди; бунгало с пятиспальной... шестиспальной... семиспальной кроватью, послеполуденный пряный зной, черные деревянные жалюзи опущены, отчего комната с белеными стенами – полутемная и полосатая, по стенам сплужают, надолго застывая, крошечные зеленые ящерки... гекконы.

– Иди ко мне!

Шепот, смех, сильные руки, твердые губы, горячее, нагретое солнцем тело... запах и голос... слабость в коленках... блики солнца под закрытыми веками... бесконечные раскаленные пески смятых простыней... взлеты и падения на мощных океанских волнах...

Телефон наконец заткнулся. Я лежу под одеялом не шевелясь. Мне жарко, меня трясет. Подумаешь! Не конец света. Не конец, не конец, не конец...

Я стараюсь не всхлипывать, слезы, горячие и соленые, стекают к вискам...

Боль в сердце, боль в глазах...

Глава 2

Странное знакомство

– Это плакат?! – взвилась Людмила Ивановна.

– По-моему, плакат. А что?

– «Гадить на клумбах строго воспрещается»! Это плакат, я тебя спрашиваю?

– Объяснитесь, Людмила Ивановна. Какие претензии? Я вас не понимаю. – Вениамин Павлович сложил руки на груди, вздернул голову. – По-моему, все предельно ясно. Вы же не станете утверждать, что...

– Я тебе сейчас объясню, какие! – перебила художника Людмила Ивановна. – Пиши заявление и выметайся к чертовой матери! Я думала, ты человек, а ты раздолбай! Глаза б мои тебя не видели!

– Я художник! – гордо заявил Вениамин Павлович. – Не понимаю, зачем кричать. Интеллигентные люди всегда могут договориться, прийти, так сказать, к консенсусу. Кроме того, вы ворвались без стука.

– Бессовестный ты тип, а не художник! – вскричала женщина, наступая. – Чтоб духу твоего...

– А деньги за проделанную работу?

Людмила Ивановна с трудом сдержалась и, тяжело ступая, вышла из котельной. Громко лязгнула металлическая дверь,

и наступила тишина. Еле слышно гудела вода в трубах. Мимо окна процокали туфли на высоких каблуках. Вениамин Павлович задумчиво рассматривал плакат.

– Вениамин Павлович, тут к вам пришли, – подала голос секретарша Нина, вчерашняя школьница. Она скромно стояла в углу, пережидая грозу. Рядом с ней обнаружилась неизвестная женщина. Удивленный Вениамин Павлович оторвался от плаката и уставился на незнакомку. Та была одета скромно, но со вкусом: черный брючный костюм, белая блузка, гладко причесанная голова и бесцветное лицо без следов косметики. Вениамин Павлович содрогнулся: женщина как две капли воды походила на его школьную учительницу физики по кличке Ядохимикат. Но была, правда, помоложе. Возраст в диапазоне от тридцати до пятидесяти, прикинул художник. А так – вылитая физичка. Даже оторопь берет.

– Прошу! – Вениамин Павлович широко повел рукой, указывая на ободранную кушетку. – Я вас внимательно слушаю.

Незнакомка нерешительно оглянулась на девушку и не двинулась с места.

– Нина, оставь нас, – строго сказал Вениамин Павлович.

Девушка с выражением недовольствия на детской физиономии вышла. Женщина смотрела на художника, и на лице ее читалась борьба.

– Может, вы собираетесь заказать свой портрет? – пришел ей на помощь Вениамин Павлович. – Что-нибудь в духе

Кранаха? У вас подходящий типаж. На фоне природы. Или яблони с красными яблоками. Знаете, сочная зелень лета, красные яблоки и бледная белокурая женщина... Класс! Могу показать образцы. Можно под Рубенса. Знатная патрицианка в белом, с кудряшками и флажком.

– Нет, – неприветливо сказала женщина, пожав плечами. – Я к вам по другому делу.

– Насчет долга? Долговая полиция? Это вас Славик натравил?

– Да нет же! Какая полиция... Вы... вы знакомы с Ларисой Андрейченко?

– Знаком ли я с Ларисой Андрейченко! – воскликнул Вениамин Павлович, всплеснув руками. – Конечно, я знаком с Ларисой Андрейченко. Причем довольно близко. Опять-таки, если вы за деньгами, то должен вас заверить... – Он приложил руки к груди и закрыл глаза. – Так как на данном этапе испытываю определенные финансовые...

– При чем тут деньги? – с досадой перебила женщина. – Не нужны мне ваши деньги!

– Это хорошо! – с энтузиазмом воскликнул Вениамин Павлович. – Это в корне меняет дело, потому что денег у меня на данном этапе нет, если честно. А что вам до Ларисы Андрейченко?

– Вы... Она ваша жена?

– Ну... допустим, – сказал Вениамин Павлович после небольшой заминки. – А чем, так сказать... А что?

– Мы могли бы поговорить где-нибудь в другом месте? – Женщина обвела котельную выразительным взглядом.

– Я понимаю, – покивал головой Вениамин Павлович. – Это вам не «Хилтон». Где же? – Он задумался. Внезапно его осенило: – Может, пойдём к вам? Я как раз свободен.

– Нет! – поспешно ответила женщина. – Лучше в парк. Тут рядом парк.

– Парк! Там полно наркоманов и малолетних преступников. Лучше в погребок. Тоже рядом, через дорогу.

Женщина с некоторым сомнением кивнула.

Через десять минут они входили в пивной погребок. Там было полутемно, нестройно гудели мужские голоса, орал телевизор и остро пахло разлитым пивом и старыми дрожжами. Женщина поморщилась.

– Сюда! – руководил Вениамин Павлович. – К окну. Простите, я не знаю, как вас зовут.

– Веня, привет! – раздалось из ближайшего угла. – Как житуха?

– Прекрасно! – с энтузиазмом отозвался Вениамин Павлович. – Как сам?

– Путем. Санька Косой спрашивал про тебя...

– Знаю! Он мне звонил. Прошу вас, мадам! Кстати, мы не познакомились. Вениамин Павлович. Можно просто Вениамин. – Он вопросительно посмотрел на свою спутницу.

– Ольга Борисовна.

– Очень приятно. Пивка?

– Спасибо, я не пью пива.

– Тогда, может, сок? Или винца?

– Спасибо, ничего.

– Ну нет, я так не могу, – возразил Вениамин Павлович, разводя руками. – Я пью, а дама сидит и смотрит.

– Хорошо, тогда сок, – недовольно произнесла женщина. – Апельсиновый.

– Апельсиновый? Прекрасно! Я сейчас!

Вениамин Павлович направился к бару. По дороге его окликали, хлопали по плечу, спрашивали о чем-то и теребили. Видимо, он был здесь популярен. Художник останавливался и вступал в разговоры. Женщина, назвавшаяся Ольгой Борисовной, с раздражением следила за ломаной его передвижений. Ноздри ее тонкого носа раздувались, рот сжался в узкую полоску, взгляд не предвещал ничего хорошего.

Вениамин Павлович наконец вернулся с большой кружкой пива и стаканом сока. Склонился в шутовском поклоне:

– Прошу вас, мадам. Ваш сок! Будьте как дома.

После чего приник к кружке. Пил он долго и с удовольствием. Равномерно двигался кадык на тощей шее. Он даже глаза закрыл от удовольствия.

Ольга Борисовна пить не стала. Она рассматривала художника в упор. Красно-синие витражные стекла пивной создавали уютный полумрак, в котором лица посетителей выделялись как бы в легком туманце. Физиономия Вениамина Павловича тоже выделялась как бы в туманце, кожа стала смуглой,

волосы и глаза казались темными. И появилось в нем что-то южное, испанское, даже мефистофельское. Лет ему около сорока, прикинула она, хотя сказать наверняка трудно. Был он худ, даже тощ, жилист, одет в джинсы и черную футболку. В вырезе футболки виднелась серебряная монетка.

Художник наконец оторвался от кружки. Достал носовой платок, промокнул губы. Взглянул на Ольгу Борисовну, приподнял бровь.

– Мне нужно поговорить с вами, – сказала она.

Он наклонился к ней:

– Можно погромче! Ничего не слышно!

– Мне нужно с вами поговорить! – прокричала она.

– О чем? – прокричал он в ответ. – Люсь, выруби звук!

Если барменша Люся и услышала призыв, то ничем этого не выказала и ухом не повела. На экране демонстрировались мотогонки. Мелькали разукрашенные плоские автомобили, ревущие фаны, мужики с флажками и раздолбанная трасса. Из-под колес вылетали сочные шматы грязи.

– Настоящий мужской спорт! – прокричал Вениамин Павлович. – Я в молодости тоже увлекался! Я вас слушаю!

– Лариса Андрейченко...

– Вень, привет! – Очередной приятель, здоровый мужик с красным лицом. Сильно на взводе. Завис, видимо, надолго. – Подхалтурить не хочешь? Оформить торговый зал надо.

– Оформим! Позвони мне вечером, лады?

– Лады! – Мужик скользнул взглядом по Ольге Борисовне.

Одобрительно подмигнул и хлопнул Вениамина Павловича по плечу.

– Извините, это по работе. – Художник снова наклонился к собеседнице. – Свой брат, мазила. Тут все свои, между прочим. Вы знаете, как мы называем этот бар? «Барбизон»!² Тут и тусовка, и биржа, и последние новости! – Он рассмеялся. Но наткнулся взглядом на взгляд Ольги Борисовны – и лицо его стало строгим. – Я вас слушаю!

– Лариса Андрейченко... – снова начала Ольга Борисовна, но закончить не сумела. Подошел новый желающий пообщаться. Молодой, очень красивый парень в кожаной куртке.

– Вень, привет, поговорить надо! Совет нужен.

– Славик, не сейчас. Видишь, я занят.

– Я позвоню вечером.

– Давай.

Они проводили парня взглядом.

– Хороший человек, но как художник – полный неудачник. – Себя Вениамин Павлович, видимо, считал любимцем фортуны. – И в семейной жизни та же фигня, извините. Слабый, характера ни на грош. Да! Так о чем мы?

Но поговорить им все не удавалось. Вениамина Павловича буквально рвали на части. Он был нужен всем. Он допи-

---

² Деревня Барбизон (Франция), куда уезжали на полевые сессии столичные художники. От названия деревни происходит Барбизонская школа, ее представители писали преимущественно пейзажи и были предтечами импрессионистов...

вал уже вторую кружку, со всеми, казалось, пообщался, но появлялись все новые лица. Ольга Борисовна посмотрела на часы.

– Вы спешите?

– Мне нужно возвращаться на работу, – сказала она сухо.

– А по какому хоть вопросу?

– По личному.

– По личному? – удивился художник. Задумался. – Знаете, а давайте ко мне! Я живу тут рядом. Никогда не замечал, как здесь шумно. Никаких условий. А где вы работаете?

Ольга Борисовна не ответила. Она раздумывала. Скользнула взглядом по художнику. Поджала губы.

– Хорошо, пойдемте, – произнесла наконец.

– А сок?

– Спасибо, я не хочу.

И они ушли.

Жилище художника пребывало в полной гармонии с его личностью. Причем гармония начиналась уже в прихожей, заваленной каким-то хламом. Вениамин Павлович непринужденно отодвинул хлам ногой. Однокомнатная квартира, гостиная – она же спальня. Задернутые шторы, полумрак. Громадная раздолбанная кушетка, бесчисленные мелкие и крупные подушки. На журнальном столике – три стакана, пустая водочная бутылка и пластиковая тарелка.

– Прошу вас! – Художник указал на диван. Ни малейшего

смущения не читалось на его лице. – Я сейчас.

Он сгреб бутылку и стаканы и понес из комнаты. Вернулся, раздернул шторы, распахнул балконную дверь. В комнату ворвался солнечный свет и обозначил изрядный столб пыли. На стене висели картины. Ольга Борисовна подошла ближе. Мрачноватый сельский пейзаж: дом, увитый плющом, покатающаяся крыша с высокой трубой, собака у крыльца. Предгрозовое настроение, наклонившиеся верхушки деревьев. Художнику удалось передать движение – порыв ветра и несущиеся грозные тучи. Непогода.

– Это ваше?

Художник хмыкнул.

– Это Морланд. Но в каком-то смысле и мое. Я когда-то увлекался, своих мыслей не было, вот и копировал. Дарил поклонникам.

Следующая картина изображала берег реки: заросли ивняка под порывами ветра, песчаный пляж, свинцовая полоска воды и грозные тучи. То же мрачное настроение, тот же стиль.

– И это... Морланд?

– Нет! Это мое.

– Почему так мрачно? Вы не похожи на пессимиста.

– Это по молодости, крайности, так сказать. Знаете, ищешь себя, мечешься, душу рвешь. Нарываешься, одним словом. И это... соответственно! – он махнул рукой в сторону картины.

– То есть это вы – ранний? – В ее словах прозвучал сарказм, то ли нечаянный, то ли намеренный.

– Ранний.

– А где поздний?

Он пожал плечами.

– В галерее? – не удержалась она.

– В галерее.

– Впрочем, я видела! Плакат!

– Плакат, ага.

Он даже не рассердился, хотя ей хотелось уколоть его. Его благодушие действовало ей на нервы.

– Жить-то надо. Присаживайтесь. Чай, кофе?

– Ничего, спасибо. Лариса Андрейченко тоже здесь живет? Это ведь ваша жена?

– Жена. Вы с ней знакомы?

– Не имела чести, – процедила Ольга Борисовна. Помедлила и выстрелила: – Ваша жена – любовница моего мужа.

– Ларка захомутала вашего мужа? – расхохотался Вениамин Павлович. – Она может!

– Вас это, кажется, совсем не трогает? – возмутилась Ольга Борисовна.

– Почему же, трогает. Очень даже трогает. А от меня вы чего хотите?

– Как чего?! Ну... воздействия!

– Как вы себе представляете это воздействие? Провести беседу? Запереть в кладовке?

– Но это же ваша жена!

– А он... этот козел – ваш муж!

– Как вы смеете!

– Вы пришли сюда и заявили, что Ларка... – Художник запнулся – видимо, удержался от неприличного словца. – Встречается с вашим мужем. Почему бы вам не поговорить с мужем?

– Не ваше дело!

– Ладно, сдаюсь. Женская логика всегда ставила меня в тупик. Что я должен сделать? Знаете, Оля, вы даже похорошели, честное слово! Глаза сверкают, румянец... У вас пуговичка на блузке расстегнулась!

Ольга Борисовна схватилась за ворот блузки.

– Я вам не Оля!

– А сколько вам лет? Тридцать? Сорок?

– При чем тут я?! – окончательно вышла из себя Ольга Борисовна – нет, ну каков хам! – Допустим, тридцать четыре.

– Да? Прекрасный возраст! Возраст вершины. Да не переживайте вы так! Сочувствую, честное слово. Ларка рушит вашу семейную жизнь. Устоявшуюся, счастливую, достойную семейную жизнь. А если у них любовь? Любовь – это святое. Вы об этом подумали?

– Любовь? Это разврат, а не любовь!

– Ларка совершеннолетняя... – Художник на миг задумался. – Хотя иногда мне кажется, что пацанка. Но по паспорту совершеннолетняя. Имеет право.

– То есть вы ничего не собираетесь...

– Давайте я напишу вас! В виде... Ну, хотя бы Иродиады!

С головой Иоанна-крестителя на блюде. Вы сейчас такая выразительная!

– Какая Иродиада! Что вы несете? – захлебнулась от негодования Ольга Борисовна. – Вы можете говорить серьезно?

– Я серьезен как никогда! Можете отрезать мне голову.

Он сделал к Ольге Борисовне шаг и наклонил голову. Она отскочила в сторону.

– Вы ненормальный?!

– Нормальных людей в наше время практически нет. Технологический прогресс, экология, стрессы и все такое. Думаете, вы нормальная? Извините за выражение, в хорошем смысле слова.

– Не знаю, – горько сказала Ольга Борисовна. – Не уверена. Иначе я бы сюда не пришла.

Она направилась вон из комнаты.

– Подождите! – закричал художник. – Я не хотел вас обидеть. Вы нормальная! Вы самая нормальная из всех моих знакомых дам, честное слово! Я понимаю вашу озабоченность, но что же тут поделаешь? Хотите совет?

Ольга Борисовна приостановилась на пороге.

– Оставьте их в покое! Я знаю Ларку, ей все быстро надоедает, типичный Водолей. Она его бросит, вот увидите. Мужик хоть стоящий? – Не дождавшись ответа, ответил сам себе: – Стоящий, раз вы так за него... боретесь. Даже завидно,

честное слово.

Ольга Борисовна пролетела по коридору, перепрыгивая через давешний хлам, и выскочила на лестничную площадку. От возмущения она не стала вызывать лифт и побежала вниз, звонко цокая каблучками. Вениамин Павлович стоял на пороге, задумчиво смотрел ей вслед. Потом поднял с пола перламутровую пуговку, повертел в пальцах...

А Ольга Борисовна вернулась в свой кабинет, включила компьютер и стала искать... Как его? Кранах! Ага, вот и мы! Лукас Кранах. На фоне яблони, судя по красным яблокам. Ева. В чем мать родила. Рядом Адам. Длинные бледные тела, рыжеватые волосы, несовременные пустые лица. Шестнадцатый век, Германия. Плоско, скупо, четко. А вот еще – «Три грации»: все те же белые тела, мягкие тряпичные фигуры, невыразительные лица... И ее в таком же стиле? Этот плакатный мазила предложил изобразить ее в виде... Евы? Это как – обнаженной, что ли? Ольга Борисовна порозовела от возмущения. Неужели она такая же... бесцветная? Разумеется, по сравнению с его женой – уж она-то раскрашена, как все эти... Ольга Борисовна споткнулась, даже в мыслях не желая произносить *это* слово. «Да чего там, скажи! Ты же одна! – подначила она саму себя. – Как все эти – *шлюхи*, да?» Ну, шлюха, а что это меняет? Факт остается фактом. Интересно, сколько ей? Этой... Ларе!

«Сорок лет! – вдруг вспомнила она. – Он сказал – сорок

лет! Свинья! Неужели...» Она нашарила в ящичке стола косметичку, достала зеркальце. Попыталась рассмотреть собственное отражение, но тут же с досадой захлопнула косметичку, бросила обратно – разве в этом крошечном зеркальце что-нибудь увидишь? А она, дура, поспешила доложить, что тридцать четыре! Да пусть думает что угодно! Хоть пятьдесят! Кого волнует его мнение? Сказала вслух: «Скотина! Мазила!»

Покосилась на дверь, строго кашлянула и придвинула к себе пачку бумаг. Но ей не работалось. Говорят, муж и жена – одна сатана. На мужа она уже посмотрела – неудачник, пьяница, разгильдяй. А Лара?..

«Господи, ну на что польстился? – подумала она о собственном муже. – На жену этого... депрессивного мазила из жэка!» – Ольга Борисовна имела в виду мрачноватый речной пейзаж.

Как будто, окажись Вениамин Павлович, скажем, директором банка, ей было бы легче!

«Да, легче, – сказала она себе. – Конечно, легче!»

Почему – Ольга Борисовна не знала. Просто она так чувствовала. Жену директора банка она могла себе представить, а Лару – жену дешевого художника – нет. Жена директора банка – знакомое зло, причем из их круга, а эта Лара... Черт его знает, что за штука! Все эти богемные тусовки, натурщицы, пьянство, скорый секс, наркотики для нее, Ольги, – терра инкогнита. Сегодня она получила первое представле-

ние об их мире.

Про Лару ей рассказала приятельница Татьяна. Увидела, как Толя высаживал ее из машины, и они целовались. Увидела и узнала – они пересеклись на какой-то выставке, *эта женщина* тусовалась там полуголая и сильно на взводе, при живом муже, тоже художнике! Причем он, кажется, даже выставился. Его картину Татьяна не запомнила, но фамилия в памяти застряла.

«Хватит!» – оборвала себя Ольга Борисовна. Она была недовольна собой – не нужно было идти, нарываться на оскорбления, этот тип ни на что не способен, даром его жена завела любовника. И он ей не помощник. Тут ей пришло в голову, что ведь и Толя завел любовницу...

«Это унизительно, в конце концов! – сказала она себе. – Что же делать?»

Она пребывала в растерянности, и лекарство тут было лишь одно: работать, работать и работать. Вкалывать до полной отключки мозгов. Как многие трудоголики, Ольга Борисовна чувствовала себя комфортно только с бумагами, цифрами и компьютером. Она решительно взяла верхний листок из пачки и углубилась в его изучение. Но мысли ее постоянно возвращались к художнику... как его? Вениамин Павлович! Она вспоминала его лицо в полумраке дешевой забега-ловки, в бликах красного и синего от витражного окна, что делало его похожим на Мефистофеля. Она фыркнула: Мефистофель, как же! Смешно! Дешевый мазила из жэка! Ал-

каш! Как он припал к кружке... Присосался прямо! Только кадыком дергал. Сразу видно, что пьющий. И дружбаны того же пошиба, так и стреляли глазами, и она сидела, как на витрине... Они небось подумали, что они... гм... друзья... близкие. Фу, глупость! Да пусть думают что хотят! Не нужно было соглашаться... И вообще. Ничего не нужно было. Не нужно было встречаться с ним... На что, интересно, она рассчитывала?

Ольга Павловна задумалась. Она представляла себе встречу с мужем Толиной любовницы иначе... Был когда-то похожий фильм с Марчелло Мастоюни и Джулией Эндрюс. Она думала, что они, как товарищи по несчастью, обсудят создавшееся положение и наметят план действий – что-то такое мнилось ей, какие-то картины рисовались... Они пьют кофе по-венски в приличном кафе, пахнет ванилью, горят светильники Тиффани, на стеклянных абажурах – яркие выпуклые бабочки и стрекозы, на столах – тугие скатерти и живые цветы... Художник, красивый, прекрасно одетый человек с шейным платком – коричневым в желтую крапинку... Он печален, в темных глазах слезы, он рассказывает ей о своей роковой любви к этой женщине... своей жене, а она, Ольга Борисовна, рассказывает ему о Толе, помешивая в чашке крошечной серебряной ложечкой...

И что в итоге? Она горько рассмеялась...

Глава 3

Старые друзья

*Артист – я постепенно познаю,
Какую жизнь со мной сыграла шутку злую:
Чужую жизнь играю, как свою,
И, стало быть, свою играю, как чужую.*
Валентин Гафт

Виталий Вербицкий спустился в вестибюль, повел взглядом. Навстречу ему поднялся с дивана тощий, скромно одетый молодой человек. Около дивана стоял небольшой черный чемодан. Режиссер всмотрелся. Долгую минуту мужчины изучали друг друга...

Режиссер Молодежного театра Виталий Вербицкий был видным мужчиной: рост под два метра, зычный голос, коса-блонд до пояса. И одевался он нестандартно, с огоньком: туники, тоги, широченные слаксы, бусы и цепи. Сандалии римского легионера с заклепками, предмет гордости – отдельная тема. Вербицкий рассекал по улицам города – и авто тормозили, и происходили ДТП, и народ пялился. А некоторые даже бежали следом с мобильником и фотографировали. Слава, однако! И в Молодежный театр не попасть, билеты за три квартала с тройной переплатой, и репертуар сомнительный. То есть репертуар в полном порядке: извест-

ные имена, известные названия, крутая классика. Но тексты подавались в обработке режиссера или, как принято сейчас говорить, по мотивам. Причем с налетом как бы нездоровой эротики, к стати и некстати, чаще некстати... Хотя кого этим сейчас удивишь! По мотивам «Пигмалиона», по мотивам «За двумя зайцами», по мотивам «Дяди Вани» и так далее. Одна мысль постоянно будоражила город: а что наш Виталия выкинет на сей раз? Представление на площади? Уличное шествие в театральных костюмах? Балаган в городском парке с клоунами, скоморохами и полуприличными частушками в псевдонародном стиле? Даже те, кто был в театре в последний раз еще в детском саду, с удовольствием включались в обсуждения и таким образом приобщались к искусству. Как сказал один средней руки чиновник из управления культуры, человек читающий и не чуждый интеллигентского как бы диссидентства: «Если бы Виталия Вербицкого не существовало в природе, то его следовало бы выдумать». Город гордился Виталием. Сам же он называл себя «бродителем умов» или попросту «бродилкой». Театр два раза закрывали, снова открывали, неоднократно публиковали о нем ядовитые материалы, но слишком колоритной фигурой был режиссер, чтобы взять его голыми руками. Тем более у него были видные поклонники и, главное, поклонницы. А еще по городу ходили слухи, что столичные театры все пороги истоптали в надежде наложить лапу на культового режиссера, но не тут-то было! Лапы прочь от нашего Витали! Режи-

сер позиционировал себя как патриота, верного горожанина и одного из столпов общества в области прекрасного.

Долгую минуту они рассматривали друг друга...

Молодой мужчина, как мы уже заметили, был скромно одет, добавьте сюда – плохо выбрит, худ и сутул, казалось, он перенес тяжелую болезнь. Длинные темные волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Худое смуглое лицо, не лишённое привлекательности, неуверенный взгляд пронзительно-синих глаз, неуверенная улыбка – похоже, он был готов к тому, что ему откажут...

– Глебушка! – зычно вскричал Виталий, ринувшись на пришельца. – Глебушка Кочубей! Разбойник! Штукарь! Какими судьбами?

Мужчины обнялись.

– Пошли посидим в «Сове»! Расскажешь!

И они отправились в «Белую сову», которая по ночам радовала завсегдатаев и ценителей прекрасного стриптизом, а днем была обычным рестораном с разумными ценами.

– Ну, рассказывай, Глебыч! Где ты? Слух был, что в берлинском «Бурлеске». На побывку домой? В родные пенаты потянуло? Надолго? – Виталий засыпал друга вопросами.

– Был в «Бурлеске», да... Клоунада, буффонада... Все было. Было, и прошло. Знаешь, Виталя, все приедается в конце концов. Надоело гаерствовать, надоело фиглярствовать. Хочется для души. Старость, видать. – Голос у него был приятного теплого тембра и слегка сиплый.

– Время собирать камни?

– Наверное. Как ты, Виталя? Нинка писала, у тебя свой театр... Вы с ней... все?

– Все, Глебыч. Давно уже. Сам знаешь, любовь приходит и уходит. Сам сказал, все приедается – любимые женщины в том числе. Театр свой, неплохой коллектив, работает на энтузиазме, зарплаты просто смешные. В драме еще туда-сюда, а у нас в Молодежном нищета. Спасаемся корпоративами. Ну да ладно, еще не вечер. За нас!

– Я вообще-то не пью, – сообщил Глеб. – В завязке.

– Как это не пьешь? – удивился Вербицкий. – Здоровье?

– Здоровье. Чуть не подох, квасил по-черному, пока галюники не начались. Едва вытащили... Решил – все!

– А мы по чуть-чуть, за встречу! Хотя лично я считаю, что недопой хуже перепоя. Глебыч, ты же знаешь, у нас без этого нельзя... Каждый день на пределе. Поехали! Непьющий артист – такой же стилистический нонсенс, как непьющий сапожник.

Глеб нерешительно взял рюмку, отпил. Вербицкий глотнул как удав, шумно втянул в себя воздух.

– Аж слезу вышибает! – сказал с удовольствием, откусывая от куска хлеба. – Я сегодня с утречка уже принял – у костюмерши дочка родила. Без мужа, в семье одни бабы. Хотя по теперешним временам, может, оно и лучше – мужик теперича хлипкий пошел, да и не прокормишь. И новорожденный – тоже девчонка. Господи, как я тебе рад, Глебыч!

Ты молодец, что вернулся к корням, так сказать! Всех потеряли, забурели, заматерели, все по барабану. Фиглярство, говоришь? Театр – фиглярство и есть. Есть высокое, есть ниже плинтуса, а все едино – фиглярство. Проживаешь чужие жизни... Говоришь чужие слова... И самое гнусное, Глебыч, что привыкаешь и в жизни фиглярствовать, все на публику, даже когда один и дверь закрыта. Даже ночью с бабой, пардон, – как на сцене. Уже и не знаешь, кто ты есть на самом деле, уже не цельная личность, а... фигляр! Вечно примеряешь на себя разношенный кафтан, зипун какой-нибудь засаленный, который до тебя надевали сотни... – В словах его была горечь, то ли настоящая, то ли напускная. – Ты с кем, Глебыч? Женат?

Глеб покачал головой – нет. Подумал и сказал:

– Был, на немке, тоже актриса. Знаешь, Виталья, им проще. Они другие, никаких истерик, никаких надрывов, заповей, рвания с себя рубахи... Проклятые мы, что ли? Все на пределе, все на грани...

– Что с них взять, с буржуев! – заметил Виталий снисходительно, по новой разливая водку. Глеб уже не протестовал. – Бургеры – они и есть бургеры и филистеры. Какие планы, Глебыч? Ты к нам надолго, кстати? Я познакомлю тебя с ребятами... Я рассказывал, что есть такой Глеб Кочубей, талантище... Монстр! В Берлине работает, у немчур, это вам, говорю, не наш Молодежный! На валюту пашет! В столице Европы! На родине театра-кабаре, бурлеска и вертепа... Во!

Как ни хороши фрицы, а без нашего человека никуда. Потому как душа у нашего человека, и особенно актера, горит и зажигает, сгорая, понял?

Язык у Виталия уже слегка заплетался, и мысль теряла четкость, но по-прежнему была образна и цветиста. И голос по-прежнему был сильным и звучным.

– Виталю, мне нужна работа, – сказал вдруг Глеб, откладывая вилку. – Возьмешь к себе? Я вернулся навсегда.

– Тебе нужна работа? – изумился Вербицкий. – Навсегда? Ты чего, Глебыч? После Европы – сюда, в наш театр абсурда? Какого хрена? Что случилось?

– Осточертело все. Бестолковости нашей не хватает, разгильдяйства, все у них правильно, все по полочкам... Искренности, наконец, не хватает, чтоб вот так прийти к другу и припасть... Не знаю! А только понял – пора назад.

– Э, нет, брат! Ты мне это брось! У меня эта наша вос... успе... тая... одним словом, бестолковость – уже во где! Достала! – Вербицкий помотал пальцем под носом гостя. – Всякая мразь мнит себя художником, так и норовят мордой в дерьмо, а рожи! Жуткие! Жут-чай-шие рожи, я тебе доложу! Весь внутренний недомир – на физии, добрый Боженька наказал. И главное, уверены, что понимают в высоком иск... искусстве... Кинули его на театр – и он сразу стал разбираться в драматургии, зараза! Гоголя на них нет, бесогонов! Снобы, блин! Нет хуже нашего сноба, Глебыч! И главное – на пустом месте... Пустейшем! Ни образования тебе, ни широ-

ты, речь безграмотная, кто такой Шиллер или Мольер – понятия не имеют. Да что там Шиллер и Мольер, своих не знают! Один прогиб и уважают... Холуйство процветает, деньгами порченны. Ну ничего, я тоже не теряюсь... Прикладываю будь здоров! Хотя с оглядкой – перегнешь палку, не дадут тугриков. Тут надо быть дипломатом, Глебыч. Уметь вертеться. Ты небось отвык в своих Европах вертеться, а мы тем и живы. Как сказал один англосакс: «Все мы погрязли в болоте, но некоторые из нас смотрят на звезды!» Так и мы: в дерьме, но смотрим на звезды.

– Я думал, сейчас полегче, – заметил Глеб.

– Да у нас ничего никогда не меняется, Глебыч! Заповедник гоблинов. – Вербицкий замолчал, присмотрелся к Глебу и спросил неожиданно трезвым голосом: – Что случилось, Глебыч? Только без чеса.

– Как на духу, – усмехнулся Глеб. – Я и мой дружок, Саша Кравченко, надумали открыть там свой театр, нам обещали грант и кредит. Адвокат дельный попался, женат на нашей. Короче, грант мы проели, влезли в долги, адвокат оказался сукиным сыном. Саша умер... Сердце. Я остался у разбитого корыта, спасибо, не подсел, но потрепали здорово. И только одна мысль была: домой! Добежать, доползти, хоть как, понимаешь? Чтоб помереть на родине.

– Понимаю, Глебыч, чего же тут... Все мы идеалисты чертовы, все нам кажется, что можно вернуться к истокам и припасть. А помирать нам рано, понял? Ничего, хлебнешь род-

ного раздолбайства и разгильдяйства по самые помидоры – мигом рванешь обратно к бошам.

– Нет. – В этом коротком слове прозвучала такая убежденность, что Виталий промолчал – только кивнул.

– Я хочу осенью запустить «Шесть уроков танцев» Альфиери³, классная вещичка. Знаешь?

– Знаешь, видел в берлинском «Ренессансе». Думаешь, публика примет?

– Примет. Чуть подкорректируем, добавим местного колорита – пойдет на ура. Юмор, музыка – вальс, фокстрот, танго, ча-ча-ча... И главное – смысл! Терпимость, доброта – то, чего нам всем не хватает в наше гнусное время. Хочешь попробовать Майкла?

Глеб задумался.

– Танцевать умеешь? Ты же был в бурлеске!

– Сложная роль, – нерешительно сказал Глеб. – Я, если честно, выбился из формы... Не знаю даже, Виталя. Чувствую себя сбитым летчиком...

– Ты мне это брось, старик! Сбитым, недобитым, недолепившим... Всем хреново, все в дерьме, Глебыч, и надо тащить себя оттуда за... э-э-э... волосы, понял? Сейчас у нас мертвый сезон, до сентября, зайдем ко мне, я дам текст. По-

---

³ Six Dance Lessons in Six Weeks (англ.) – «Шесть уроков танцев за шесть недель», пьеса известного американского драматурга Ричарда Альфиери. История немолодой дамы, которая решила обучаться танцам – по одному уроку в неделю. Неприязнь к учителю танцев, молодому человеку с массой недостатков, перерастает в искренние теплые отношения и дружбу...

читаешь, примеришь, лады?

Глеб кивнул, все еще сомневаясь.

– И главное, Глебыч, не напрягайся, полегче! Это твой типаж, ты же типичный жиголо на вид... Пardon, конечно, с твоими синими брызгами. Роль невесомая: безработный актер, свой брат, попивающий, кроме того, гей, подрабатывает уроками танцев, и в гробу он их всех видал! Живет одним днем, не заморачивается. И старая занудная перечница, вдова священника, вся из себя правильная, которой за каким-то расшибеном захотелось танцевать. И антагонизм, постепенно переходящий в симпатию... Ну да ты в курсе. Я пробовал Жабика, но Жабик и есть Жабик, да и внешность подгуляла, а тут нужен трагикомический красавчик. Как?

Глеб снова кивнул.

– Супер. У тебя как с жильем? Ты где?

Глеб пожал плечами.

– Гостиница? Есть нормальные, по карману – правда, за чертой оседлости.

– Знаешь, Виталя, я на нуле, если честно.

– Понял, не дурак... – Вербицкий задумался. – Зайдем к нам в бухгалтерию, посмотрим, сколько можно подкинуть. Напишешь заявление на работу и на помощь. Кошкины слезы, но на хлеб пока хватит. А жилье... – Он снова задумался, на его выразительном лице явственно читалась работа мысли. – Можно было бы у меня, но там сейчас Толик Глущенко со своей новой, ушел от жены... А я у своей знакомой.

Временно, ничего серьезного, не сегодня завтра нужно сваливать, чтобы не возбуждать неоправданных надежд. Господи, ну что им всем так нейдет? Замуж, семья, дети, петля на шею... Ты как в этом плане?

– Сейчас один.

– Ага, хорошо. Одного легче пристроить. Куда же тебя девать?.. – размышлял вслух Вербицкий. – Ты как в смысле быта?

– Нормально, всеяден. Вода, топчан, закрыть дверь...

– Есть тут одно местечко – бывшее общежитие работников культуры, сейчас пустует, никак не снесут. Ждут, пока само рухнет. За Марьиной Рощей, на Вербной, семь. Домин двухэтажный, старинной кладки, думали этномузей открыть, да денег на ремонт нет. Там проживали всякие лузеры из актеров и музыкантов, но, по-моему, несколько месяцев уже никого нет. Евстигнеева, из последних, вышла замуж, переехала к мужу. Жабик... Петя Зосимов тоже ушел, говорит, комфорта маловато и жутко одному, особенно ночью. Кликуха – «Приют лицедея» или просто «Приют». Можно там пока, до лучших времен. Запомни, Глебыч, нет ненужных вещей – всегда есть кто-то, кому это ненужное нужно. Как сказал пророк, оставшееся от гусеницы ела саранча, оставшееся от саранчи ели кузнечики, и оставшееся от кузнечиков доели мошки. Последняя копейка, последняя крошка – ты выбросил, а кому-то в масть. Понял? Вот и вся философия жизни. Как?

– Согласен.

– По рукам! Считай, что вилла твоя. Два этажа – и ты один на пляже. Можно репетировать до полной отключки. Или кирять! Не забоишься?

Глеб улыбнулся, чувствуя, что жизнь, кажется, налаживается.

– Спасибо, Виталя. Не забоюсь и жду в гости, как только устроюсь. У меня еще пара коробок в аэропорту.

– Все пучком, Глебыч! Жизнь жутко интересна, коварна, зараза, и все-таки удивительна! На посошок, дружище! До сих пор опомниться не могу, что ты... как явление Христа народу, е-мое!

Глава 4

Ольга Борисовна

Обида на «этого типа» улеглась, через пару дней Ольга Борисовна и не вспоминала уже о своем странном приключении, вся отдалась любимому банковскому делу и буквально горела на работе. Художник напомнил о себе сам – в один прекрасный день переступил порог ее кабинета. Ольга Борисовна подняла взгляд от стола и обомлела: батюшки-светы! Вениамин Павлович собственной персоной! Побрит, пострижен, в приличном костюме, при галстуке. С большим кожаным портфелем – для солидности, видимо. Даже ликом посветлел, и торжественен.

– Не ждали? – Он радостно улыбался.

– Не ждала, – сухо ответила Ольга Борисовна, неприветливо меряя художника взглядом. Смерить взглядом так, что мало не покажется, – о, это она умела!

– Оказался рядом, дай, думаю, зайду! – Художник продолжал улыбаться во весь рот, словно не замечал более чем сдержанного приема.

– Вы говорили с женой? – взяла быка за рога Ольга Павловна.

– Не успел. Замотался вусмерть. Вы не поверите, Оля...

– И решили зайти сказать мне об этом? – перебила она,

вкладывая в невинную фразу приличную меру уксуса.

– Рядом был, говорю же. А вы поговорили с мужем?

Ей показалось, художник ухмыльнулся.

– Нет, – ответила она сухо.

– Тоже замотались?

Ольга Борисовна вздернула голову и раздула ноздри. «Замотались!»! Она не нашлась, что сказать, а художник пояснил:

– Я нанимался на работу. Тут, по соседству.

– Не взяли? – поспешила позлорадствовать Ольга Борисовна.

– Кажется, взяли.

– А жэк?

– Придется выбирать! – Он пожал плечами. – Предлагаю отметить. У вас когда обед?

– Боюсь, я не смогу... – высокомерно начала Ольга Борисовна.

– Да ладно, я же не в постель вас зову! – брякнул художник.

– Что вы себе позволяете? – взвилась Ольга Борисовна.

– Это цитата из пьесы, честное слово. Застряла в памяти.

Тут рядом есть неплохой ресторанчик...

– Где, разумеется, вас все знают!

– Ну... не исключаю. «Белая сова». Приходилось бывать?

– Это же ночной клуб!

– Ночью клуб, днем ресторан. Пошли! У них баранина –

пальчики оближешь. Отметим начало моей новой карьеры. Честное слово, это вам не «Барбизон». И скатерти чистые. Кроме того, нам нужно выработать план действий. Совместных.

Ольга Борисовна растерялась, что происходило с ней очень редко. Почти никогда. Художник смотрел выжидающе. Она обежала его взглядом – побрит, пострижен, при галстукe – и порозовела при мысли, что он проделал все это ради нее, а насчет работы врет. Конечно, врет. И поговорить им все-таки нужно. Она кивнула, все еще сомневаясь. И тут же с неудовольствием поймала себя на мысли, что впервые в жизни не знает, как поступить, и почему-то идет на поводу этого... типа. Уже во второй раз.

К ее удивлению, художник был способен пользоваться ножом и вилкой.

– Чем же вы будете теперь заниматься? – спросила она.

– Оформлением торгового зала и витрин. Росписью по стенам и потолкам.

«Неужели не врет?» – подумала она и спросила ехидно:

– Платят больше, чем в жэке?

– Больше, но радости меньше.

– Почему? – изумилась она.

– Атмосфера сильно деловая для такого разгильдяя, как я. К тому же всякие... чудачки кишки мотают, диктуют, учат. И сроки поджимают. В жэке попроще.

– Вас же выгнали! За плакат! – с удовольствием напомнила она.

Художник засмеялся.

– Это был не их плакат, Людмила Ивановна не разобралась. Она нормальный человек, только работа собачья. Ребята попросили нарисовать пару плакатов для капустника, принесли тексты. А истопник Саныч подслушал и донес – левые заказы, караул, чужие шляются, покрадут трубы. Она и бросилась. А тут вы как раз подгадали...

– Извините! – с сарказмом произнесла Ольга Борисовна.

– Да ладно, кто старое помянет... Мы уже выяснили с ней отношения, все в порядке.

– Почему вы не поговорили с женой?

Художник задумался, рассматривая пустой подиум. Потом перевел взгляд на Ольгу Борисовну.

– Да так как-то... Не получилось. Если честно, я ее не видел.

– Как не видели? – изумилась Ольга Борисовна. – А где же она?

– Видите ли, мы живем отдельно, – потупился художник. – Уже два года.

– Вы... Вы! Чего же вы мне голову морочили?! – вскричала Ольга Борисовна, и кончик носа у нее побелел, как бывало всегда в минуты волнения. – Почему же вы мне сразу не сказали?

– Не успел. У меня реакция замедленная. С детства. Как

вам баранина?

– Вы! План совместных действий! Совесть у вас нет!

– Да это так, для понта, чтобы вы не отказались. Просим прощения. Мне очень хотелось пригласить вас на обед. С забегаловкой не получилось, она вам не понравилась. Мне даже неудобно, что я вас туда... честное слово! Правда, баранина класс?

– При чем тут баранина! Вы... Мы же... – от возмущения

Ольга Борисовна стала заикаться.

– Ну скажите, правда, класс?

– Неплохая, – нехотя признала Ольга Борисовна. – Но вы должны были...

– Лучшая в городе! – перебил Вениамин Павлович. – Хотя нет. Лучшая у меня. Приглашаю в выходные на природу, оцените сами.

– Спасибо, я буду занята, – сухо, скупое, с достоинством. Молодец! Поставила на место.

Он порылся в кармане пиджака, достал визитную карточку.

– Вот! Если передумаете, звоните.

– Не передумаю. «Размечтался!» – последнее – про себя.

– Там хорошо. Река, песчаная отмель, рыба играет. И погоду обещали клевую.

– Спасибо, но вряд ли.

Остаток дня Ольга Борисовна находилась под впечатле-

нием от встречи с художником. Пеняла себе за глупость – не нужно было соглашаться! Побежала как девчонка, снова попала на удочку. Пошла на поводу. У кого? У этого... с позволения сказать! Она придумывала все новые аргументы, почему не нужно было обедать с художником, мысленно выясняла с ним отношения и вяло доругивалась, если можно так выразиться. Ольга Борисовна никогда не унижалась до ругани и склок. Это было ей несвойственно. Она умела себя поставить и никогда не выпускала инициативы из рук. Художник ее раздражал. Тем более что они два года в разводе! Неудивительно!

– Что неудивительно? – спросил строго внутренний голос.

– Ну, что она... эта женщина, Лара, ушла от него... Разве с ним можно о серьезных вещах? Он же клоун! И вообще.

– То ли дело Толя... – съехидничал внутренний голос. – Умный, честный, порядочный, первоклассный специалист и не клоун, да?

– Отстань! И без тебя тошно! – одернула его Ольга Борисовна.

От подобных мыслей ей захотелось домой. Закрыть за собой дверь и отрезать... их всех. Приготовить ужин. Кухня всегда ее успокаивала. Включить телевизор, пусть бормочет себе тихонько, неторопливо резать зелень и овощи, жарить отбивные. Толя любит отбивные.

...Дома ее ждал приятный сюрприз. Муж вышел навстречу в фартуке с ушастым кроликом и надписью «Я в до-

ме хозяин!», в квартире вкусно пахло едой. Он поцеловал ее в лоб, взял из рук сумку. Ольга Борисовна благодарно прижалась к мужу и едва не всхлипнула от умиления. Какая дурра! Опустилась! Унизилась! Забыла, что она *жена!* Любовниц много, а жена одна. Говорят, они не могут иначе. И тут не только секс, тут еще и самоутверждение. Работа, семья, любовница – и он на коне! Есть о чем поговорить в бане с другими самцами. У нее мелькнула мысль, маленькая такая приятная мыслишка, что, может, эта... Лара его бросила и он теперь на коленях... приполз. Знающие люди говорят, для удачной семейной жизни нужны прыжки на стороне. Может, правда. Секс на стороне и легкое чувство вины – прекрасная приправа к пресному семейному блюду.

...Они сидели за красиво сервированным столом. Муж хлопотал, передавая ей бокал с вином, хлеб, соль. Участливо спрашивал, как прошел день. Наливал вино. Блестело столовое серебро, сверкал хрусталь бокалов, радовали свежие цветы – ее любимые бледно-сиреневые орхидеи, – все как в лучших домах, на картинке из журнала. Ольга Борисовна отвечала мужу, кивала, улыбалась. А он вдруг сказал:

– Оленька, мне придется уехать, снова командировка, не сумел отвертеться. Очень некстати, масса работы, но ты же понимаешь! – Он развел руками с выражением комичной беспомощности на красивом лице.

Ольга Борисовна окаменела. Сидела с приклеенной улыбкой, с зажатой в руке вилкой. Только удержать себя в ру-

ках! Не опускаться до уровня базарной торговли. Главное, не опускаться.

– Как неожиданно... Конечно, я понимаю. Надолго? – Ей удалось сохранить доброжелательный тон.

– На неделю. Выехать придется уже завтра, с утрачка пораньше. Поеду на машине. Страшно не хочется... – ему, в свою очередь, удалось скорчить печальную гримасу.

Еще и кривляется, сволочь!

– Завтра? В четверг? – бледно удивилась она. – А как же выходные?

– Знаешь, придется работать и в выходные. А ты тут без меня пока отдохнешь.

Он весело рассмеялся. Он был так доволен, что не умел этого скрыть. Он был уже в другом месте, с другой женщиной. Он был отвратителен и прозрачен, как стекляшка. А она, образцово-показательная жена, делала вид, что верит. Ольга Борисовна едва не задохнулась от гнева. Ей хотелось метнуть в мужа вилку, она даже пальцы сжала так, что побелели косточки. Прямо в его радостную карикатурно-красивую лживую физиономию. Но она удержалась. Главное – не опускаться. Ее кредо.

Муж гремел на кухне посудой – вызвался убрать от радости, что отстрелялся и самое трудное уже позади. Ольга Борисовна тупо смотрела на экран телевизора. Она была растеряна и деморализована. Даже дом-крепость, так любимый ею, собранный по крупице, вдумчиво и со вкусом, не помо-

гал. Она рассеянно скользила взглядом по прекрасной светлой мебели, ковру на полу в целое состояние... Нежно светился драгоценный хрусталь, матово сияло серебро. Ее дом, ее крепость, недостижимый для бурь, уютный закрытый мирок... Она чувствовала, как он зашатался, накренился, дал течь и готов потонуть. И поняла, что пойдет на все, чтобы не дать ему потонуть...

Глава 5

«Приют лицедея»

*Здесь – тише радость и спокойней горе.
Живешь, как в милом и безгрешном сне.
И каждый миг, подобно капле в море,
Теряется в бесстрастной тишине.*
Дмитрий Мережковский. «Родное»

...И вот они здесь. Вербная, семь – сразу за Марьиной Рощей взять влево и вглубь. Приземистый, двухэтажный, слегка вросший в землю дом с небольшими тусклыми глазами-оконцами уставился на них устало и печально, словно оправдываясь: да, господа, все в прошлом, увы, пролетело, промчалось, просвистело, как и не было... И что же тут поделаешь? Так проходит слава земная, как говорили древние. Одичавший сад-парк вокруг дома, орущее в верхушках воронье, чирикание беспородных воробьев, позеленевший мрамор крыльца и ступеней. Полуживые колонны... Дом производил впечатление опустившегося и впавшего в нищету престарелого аристократа с разбитым моноклем в прищуренном глазу в фирменных подтяжках, но с бахромой по низу штанин и в штопаных штиблетах.

Высокая старинная дверь, поперек приколочена пара досок... Здоровенными гвоздями. Действительно, не живут.

Вербицкий решительно дернул одну из досок к себе, она с легкостью оторвалась, и он едва удержался на ногах. За первой доской последовала вторая. Глеб со скрежетом провернул ключ в замочной скважине и потянул за ручку. Дверь осталась недвижимой. Вербицкий пристроил доски на перилах и пришел на помощь. В итоге ручка осталась у них в руках, а дверь так и не дрогнула.

– Что за шняга! – Вербицкий пнул дверь ногой, и она, вдруг страшно закрипев, поехала на них, словно ее толкнули изнутри. – Твою дивизию! – рявкнул режиссер, отскакивая. – Какого черта?

Ответом ему было молчание. Они переглянулись. Глеб, усмехнувшись, первым переступил порог. Вербицкий, на всякий случай бросив на порог оторванную доску и оглянувшись по сторонам, шагнул следом. Под ногами захрустело битое стекло. Внутри было сыро, сумрачно и стоял тот печальный дух тления и пустоты, который отличает брошенные дома. Где-то там, над головой, угадывался высокий потолок, там же мутно светлел серый от пыли плафон; луч света из раскрытой двери падал на щербатую деревянную витую лестницу, ведущую наверх; какие-то ящики и кипа не то театральных афиш, не то старых газет и тряпья были свалены в углу.

– М-да... – проговорил режиссер ошеломленно. – Обстановка, однако. Не ожидал такого... беспредела, это же полный абзац! Мы тут киряли всей кодлой, совсем недавно...

Когда же? – Он поднял глаза к потолку. – Когда наша Евстигнеева замуж выходила, как сейчас помню... – Он повернулся к Глебу: – Что будем делать, Глебыч?

– Мне нравится, – сказал Глеб. – Спокойно, тихо, никаких соседей.

Режиссер фыркнул:

– Да уж! Ты подумай, Глебыч, а я обзвоню ребят, может, кто пустит... Не навеки же!

– Не нужно, Виталя, я остаюсь здесь. А где... жильё?

– На втором этаже. На первом – зал для приемов, там свалена всякая списанная рухлядь из театров и музея, – кухня-столовая, вроде плита была и буфет с посудой, дальше ванная... Пошли, посмотришь.

Они вошли в бывший зал для приемов, заваленный обшарпанными столами и тумбами, с наглухо забитыми окнами; затем в столовую – плита была на месте, но газового баллона не обнаружилось – лишь сиротливо торчали пыльные трубочки; зато в буфете пряталась забытая посуда – тарелки, несколько кастрюль, вилки с кривыми зубцами и ложки; в сахарнице виднелся желтый закаменевший сахар, и кофе тоже наличествовал – на доньшке мятой кофейной жестянки.

Режиссер открутил кран, оттуда с жалобным стоном полилась ржавая вода.

Они переглянулись.

– Нормально! – махнул рукой Глеб. – Что человеку еще

нужно, если подумать?

Вербицкий рассмеялся.

– Разве что, если очень подумать! Пошли, найдем тебе апартаменты. А ты, Глебушка, оптимист! – сказал он одобрительно, когда они уже поднимались по страшно скрипевшей винтовой лестнице. – Прошу! – Он распахнул первую дверь.

Это была небольшая комната с окном и кроватью; еще тут были письменный стол, кресло, пара стульев, тумбочка и платяной шкаф. На стене висело зеркало в облупленной раме, покрытое черными пятнами. За незашторенным окном угадывался сад. На подоконнике стоял керамический горшок с серым от пыли кактусом. Похоже, живым.

– Шикарно! – заметил Вербицкий. – Номер-люкс. Даже не ожидал. Посмотрим остальные?

Следующая дверь была заперта; третья комната – пуста, с пачкой газет в углу; четвертая – с окном, забитым досками, и бугристым диваном. Всего же имелось семь дверей. Пятая, шестая и седьмая – по другую сторону коридора...

– Не нужно, Виталя, я возьму первую, – остановил друга Глеб. – Спасибо тебе.

– Не на чем. Сейчас смотаемся ко мне, тебе нужны простыни, какое-то барахло на обзаведение, потом в гастроном, здесь рядом, и отметим начало твоей новой жизни. Знаешь, если я свалю от своей акулы, то составлю тебе компанию. А что? Как ты говоришь, здесь спокойно и тихо, как на пого-

сте, и, главное, никаких соседей, чего нет даже на погосте. И репетировать можно, и музыку до упора... Все можно! Сам себе хозяин.

Он пощелкал выключателем. Оба, задрвав голову, выжидательно смотрели на пыльную электрическую лампочку под потолком. Свет так и не зажегся.

– Отключили, – догадался режиссер. – Не забыть свечи. Пошли, Глебыч.

...Они праздновали новоселье до глубокой ночи. Вербицкий рассказывал о своем театре, о козлах, которые все время лезут под руку, и о своих женщинах. Они вспоминали одноклассников и профессуру – «иных уж нет, а те далече!». Разлетелись по миру, как осколки разбитой вазы, и связи порвались.

– Есть, правда, «одноклассники» и фейсбуки, но, понимаешь, какая беда, Глебыч, говорить-то не о чем, как оказалось! Не о чем говорить! Живы, работа, дети, жены, дача, нехватка денег, дурное начальство, болячки – у одного цирроз, у другого сердце. Ну, там фотки еще – снова жены, дети, собачки. Никто не стал Качаловым, и никто не стал Станиславским, никто не написал пьесу и не снял кино. Все как у всех: рутина, оскомины на зубах от серости жизни, банька, покер, бабы... Это в лучшем случае. А какие были планы! Наполеоновские! – Виталий вдруг рассмеялся. Глеб взглянул вопросительно.

– Кстати, шуточку нарыл в Интернете. Говорят, сейчас в сумасшедших домах совсем перевелись наполеоны. Знаешь, почему?

Глеб улыбнулся и покачал головой.

– Потому что современные психи не знают, кто такой Наполеон! – Режиссер захохотал. Он рассказывал эту шутку всем, кто попадался на пути, уже неделю, но она и теперь нравилась ему ничуть не меньше. – Невежество зашкаливает!

В начале двенадцатого ночи Вербицкий наконец стал прощаться. Он был не прочь остаться на ночь, они хорошо сидели, но его женщина звонила каждые пятнадцать минут – контролировала, выражала озабоченность и недовольство. Вербицкий раздувал ноздри, отвечал сдержанно, но при этом делал непристойные жесты свободной рукой.

Глеб со свечкой спустился вниз проводить товарища. Огонек трепетал на сквознячке. Они постояли на крыльце до приезда такси, и Виталий, наказав запереть двери – входную и квартирную, а завтра с утрачка отзвониться и доложить, как прошла ночь, наконец отбыл, спросив напоследок, как он, Глеб, относится к нежитям и привидениям. Глеб послал его к черту, и Виталя, по-мефистофельски захохотав, испарился в клубах фиолетового дыма. А Глеб Кочубей остался один. Он стоял на крыльце, пока был слышен шум двигателя, потом запер дверь и пошел к себе... *К себе!* Звучит-то как! К себе наверх.

Спать не хотелось, и он до трех убирался в своей новой квартире: мыл пол, найдя в подсобке старый таз со сколотой эмалью и тряпку, потом окно и подоконник. Из сада тянуло ночной сыростью и запахами земли и зелени. Затем он, не торопясь, раскладывал свои вещи в шкафу и ящиках письменного стола. Мелькнула было мысль пройтись по дому со свечкой, осмотреться и изучить окрестности, но он рассудил, что утро вечера мудренее, успеется завтра. Помывшись холодной водой под краном на кухне, он упал на кровать, накрылся с головой одолженным у Виталия одеялом и отключился. Последней была мысль о том, что он, похоже, вернулся домой...

Глава 6

Какое-то время назад. Любовники

*Я вас люблю, – хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!*

Пушкин. «Признание»

Машина затормозила у газетной стекляшки, и молодая женщина в черном коротком платьице скользнула на переднее сиденье рядом с шофером. Мужчина за рулем нетерпеливо сгреб ее, приник к губам. Прошептал, отрываясь:

– Ларка, любовь моя! Я чуть с ума не сошел! У нас три дня, поедем к Пашке, он в отъезде. Целую неделю на природе!

– Ты обещал в Италию, – увернулась женщина.

– Пока не получается, подожди немного, – виновато ответил мужчина.

– Мне осточертело отдыхать в загородных домах твоих приятелей! Как бомжи! Я хочу в Италию, в приличный отель, хочу в оперу, хочу в Монако! Я хочу свой дом! Ты обещал!

– Ларочка, потерпи немного, у нас все будет.

– Ты с женой говорил?

– Нет еще, ты же понимаешь, это не так просто. Ольга...

– Не хочу слышать ее имени! – перебила женщина. – Я сама с ней поговорю. Кстати, я подала на развод. Венька в ногах валялся, просил не спешить. Он пьет, на себя стал не похож. А был талант. Талантище!

– Ларочка, я не думаю, что нам следует торопиться...

– Трухаешь? Ты как девочка, Тосик, всех боишься! Своей жены, знакомых, соседей. Думаешь, никто не знает, что у тебя любовница? И жена твоя знает, я уверена, не дура же она у тебя. Неужели ты ничего не замечаешь?

– Ларочка, мы обсудим это, я тебе обещаю, честное слово. У меня подарок для тебя... Сейчас! Вот!

Анатолий сунул руку в карман пиджака, достал маленькую бархатную коробочку. Женщина взяла, открыла. Достала кольцо с крупным голубым самоцветом в обрамлении мелких бриллиантов. Надела на палец, отвела руку, полюбовалась.

– Нравится?

– Тосик, ты меня балуешь! Это... что?

– Аквамарин, под цвет твоих глаз. Не сердись, Ларка, ты же знаешь, как я тебя люблю... Я жить без тебя не могу, минуты считаю до встречи. Ты меня любишь?

– А за что тебя любить? – фыркнула Лара. – Трус, слова не держишь, своей благоверной, как огня, боишься. Не боец.

– Все у нас будет, Ларочка, поверь. Нужно только немного

потерпеть. К тебе заезжать будем? Или сразу на природу?

– Заедем за ночной сорочкой.

– Зачем тебе ночная сорочка? – рассмеялся мужчина. –

Возьми купальник. Продукты я купил. Ты правда подала на развод?

– Правда. Пора нам с тобой узаконить наши отношения.

Согласен?

– Ларка, ты же знаешь, как я тебя люблю.

– Вот и докажи. Тем более... – Она запнулась.

– Что?

– Тем более у нас будет ребенок.

– Что? – Машина вильнула в сторону. – Ты уверена?

– Уверена. Ты не рад?

– Рад, конечно, но... как-то неожиданно.

– Ты же плакался, что детей нет!

– Я рад... Честное слово.

– Ну и хорошо. Только имей в виду, что теперь нужно решаться. Моему ребенку нужен отец.

– Я поговорю с Олей... Обязательно.

– Не называй при мне ее имени!

– Извини, Ларочка. Знаешь, все это так неожиданно...

– Не умри от счастья, любимый. Ты кого хочешь – мальчика или девочку?

Мужчина, которого она называла Тосиком, не ответил, всматриваясь в поток автомобилей, летящих навстречу. Лицо у него было растерянным. Он искоса взглядывал на по-

другу и тут же отводил глаза...

Лара чувствовала его взгляды и мысленно ухмылялась. Ну и трус же! Совсем мужики перевелись. Ну ничего, зато денежный. Женится как миленький, деваться ему некуда.

Машина въехала во двор, остановилась у третьего подъезда. Анатолий выскочил из машины, распахнул дверцу, помог Ларе выбраться. Они обнявшись пошли к дому. У двери мужчина развернул ее к себе, приник к губам...

– Тосик, потерпи! – расхохоталась Лара, отталкивая его. – У нас целых три дня! Отпусти!

Они вошли в подъезд, и тяжелая дверь громко захлопнулась за ними.

За кустом сирени в глубине двора на скамейке сидела женщина. Бесцветная, в черном платье с белым воротничком, с ниткой жемчуга на шее. Она сидела неподвижно, обхватив руками свои плечи, словно ей было холодно, раздувая ноздри, и взгляд ее, прикованный к захлопнувшейся двери подъезда, не предвещал ничего доброго. Это была Ольга Павловна...

* * *

Глеба Кочубея разбудили птичий гвалт – вороны, синицы и воробьи орали как на пожаре. В окно, затененное ветками, пробивался зеленый свет. Днем его новое жилище поражало убожеством и пустотой еще в большей степени, чем при све-

чах. Ободранный письменный стол, на нем две пустые бутылки, стаканы и тарелки с какой-то засохшей дрянью; огарок свечи, прилепленный к щербатому блюдцу; несколько стульев и тумбочка у кровати; разохшийся паркетный пол, затертый, бесцветный, щелястый; покоробившиеся плинтусы. Потрепанное колченогое кресло, знававшее лучшие времена. Кровать на панцирной сетке – как качели. Его новое жилье... Итог жизни. Снова нуль, снова с нуля.

Он стал раскачиваться, и пружины жалобно заскрипели. Взлетая и падая, он рассматривал лепной медальон в центре потолка – с него свисала на сером от пыли шнуре голая электрическая лампочка. Трещины, штукатурка, осыпающаяся белыми лепестками... Лепестками роз, как в одной старинной песне... Японочки, сестры «Пинац», пели, кажется, «Каникулы любви». У мамы была целая коллекция грампластинок, он втихаря таскал их, усаживался на стул задом-наперед и гудел, представляя, что едет на машине, и крутил черный виниловый «руль». Было ему тогда года три или четыре...

Вставать не хотелось. Он взглянул на часы – одиннадцать. Нужно позвонить Витале, доложиться – жив, мол, и здоров, ночь прошла без происшествий. Потом выскочить, купить продукты и еще свечей, и оглядеть окрестности. Еще найти душевую комнату и осмотреть дом на предмет нахождения чего-нибудь полезного в хозяйстве. Дел непочатый край, сказал он себе, желая подбодрить, потому что уже подкатывала

к горлу тоскливая и безнадежная волна... Сейчас мы встанем, умоемся, позвоним Витале, прогоним текст пьесы...

Виталий был весь в пылу скандала со своей подругой – услышав голос Глеба, он проорал:

– Глебушка, я перезвоню! Сейчас никак! Да заткнись ты, ни фиги не слышно! Это не тебе, Глебыч! Привет!

«А кому хорошо?» – подумал Глеб философски и отправился на кухню умываться.

Вода из крана текла уже не такая ржавая, и он не только умылся, но и, набрав ее в кастрюлю, облился на крыльце. Душевую он нашел, но головка душа была отломана. Ухнул, растерся жестким махровым полотенцем – подарком Витали, помахал руками, поприседал и побежал одеваться.

Через полчаса Глеб запер дверь и отправился на экскурсию. Прошел по дорожке полумертвого сада, заросшего чертополохом и одичавшими кустами жасмина, который благоухал нежно и сладко, полюбовался усохшими корявыми деревьями, похожими на привидения.

У перекошенной калитки он оглянулся. Благородной формы, штучной работы, с разбитым мрамором крыльца и колонн и немытыми стеклами окон, дом выглядел печально и одиноко. Глеб нашел свое окно на втором этаже...

...Это была окраина города, в прошлом – деревня с барским домом. Канула в Лету эпоха, и барский дом дышал на ладан, доживая последние дни.

Глеб зашел в продуктовый магазинчик, где время, каза-

лось, остановилось – разбитная крикливая продавщица из советских кинофильмов запросто общалась с покупателями, называя их по имени. Она с любопытством скользнула по нему взглядом и по-свойски спросила:

– А вы кто же будете? Дачник?

Глеб сказал, что живет здесь.

– Снимаете? – уточнила она, и все, кто был в магазинчике, уставились на Глеба.

– Нет, в бывшем общежитии, – ответил он, проклиная отечественную простоту нравов, от которой отвык за годы жизни в Германии.

– В «Театре»? – спросила она.

– В театре? – озадаченно повторил Глеб.

– Ну да! Там артисты жили, три месяца уже, как никого нет. Значит, опять заселяют? Не боитесь, что прибьет? Он же в аварийном состоянии.

– Ништяк, еще постоит, – включился старик с матерчатой торбой. – Раньше на совесть строили.

– А вы артист? – спросила продавщица, заглядывая ему в глаза.

Глеб кивнул.

– Ты это... парень, смотри в оба, – сказал старик. – А то мало ли чего... – Он пошевелил пальцами.

– А как вас звать?

Глеб назвался.

– А я Валя! Будем знакомы. Вы, если надо чего, не стес-

няйтесь. Пол помыть, обратиться... Я тут всех знаю.

– Там света нет, – сказал Глеб.

– Отрезали? – всплеснула руками женщина в черном плаще. – За неуплату?

– Сносить собираются, – объяснила Валя. – Надо свечки.

– Ты, парень, поосторожнее с огнем, еще пожар устроишь, не ровен час. Нам тут только пожара не хватало. А в жэке знают, что ты заселился?

– Петрович, успокойся! «Театр» на балансе культуры, они хозяева. Имеют право.

– Опять пьянки-гулянки, – пробурчал Петрович. – Знаем мы этих артистов. Точно спалят!

Валя подмигнула Глебу – не обращай, мол, внимания.

– А вы из какого театра?

– Из Молодежного.

– Это там, где Виталик? – обрадовалась она. – Тут еще Петя Зосимов жил, тоже из Молодежного. Хороший парень. Говорил, не дом, а... этот... где люди из воска.

– Паноптикум?

– Ага. Тут у нас всякое говорят, лично я не верю. Бабки темные, чего только не придумают.

Глеб не стал уточнять, что она имеет в виду. Распрощался и, нагруженный продуктами, отправился домой. Дав себе слово впредь возить продукты из города.

Он распихал продукты в буфете, посетовав, что нет холодильника. Вдруг пришло в голову, что двести лет назад в

этом доме тоже жили без электричества, при свечах, и сейчас время сделало виток и вернулось туда же, только на новом уровне – более цивилизованном. Он хмыкнул – это как посмотреть.

Глеб сделал себе бутерброд и открыл бутылку пива. Хотелось кофе, но газа, увы, не было. Нужно купить что-нибудь... Плитку, хоть чаю горячего попить. Или кофе. И тут ему до смерти захотелось кофе – крепкого, свежемолотого, – даже в глазах потемнело. Ладно, что-нибудь придумаем, успокоил он себя.

Он сбегал за пьесой, протер стол и разложил на нем листки с текстом. Пил пиво, закусывал бутербродом и читал пьесу. Она была ему знакома, он видел ее в берлинском «Ренессансе», как уже упоминалось, и, читая, вспоминал актера, игравшего Майкла, и представлял себе, как сыграл бы это сам. Глеб подумал, что ему для репетиций нужна музыка. Танго, фокстрот, вальс... И вдруг почувствовал такой прилив энергии, что закружилась голова. Соскучился по сцене...

Звонок мобильного заставил его вздрогнуть. Это был Виталий Вербицкий.

– Привет, Глебыч! Ты как? Приспособился? Ты извини, не мог с тобой утром поговорить. Ты дома?

Глеб невольно рассмеялся.

– Дома! Заходи. Да, послушай, у тебя нет плеера... музыка нужна.

– Привезу! – обрадовался Виталий. – Так ты согласен?

– Пока не знаю. И еще. Может, какая-нибудь походная плитка? Заимообразно. Хоть чаю вскипятить. Или кофе.

– Не вопрос! У нас есть все, Глебыч. Привезу. Слушай, ты по комнатам еще не шарился? Мебель, то-се. Может, я у тебя останусь, я вроде как бездомный – эта дура меня выперла. Вернее, я сам. Условия она, видите ли, ставит! Мне, Виталию Вербицкому! Ха-ха-ха! Трижды. А у ребят медовый месяц, не хочется рушить. Пусть пока у меня поживут. Ну, все, лечу, Глебыч! До скорого! Господи, как я рад, что ты вернулся!

Он примчался через два часа, нагруженный сумками. Глеб сидел на крыльце, заканчивая читать пьесу. День перевалил за половину, воронье утихло, и в углах сада уже сгушались тени – оттуда тянуло холодком.

...И снова была роскошь общения. На сад опустилась ночь, зажглись звезды. Окно было распахнуто, свежий ветерок шевелил газету на столе, а из сада долетали тонкие пронзительные запахи травы и жасмина. Они вспоминали ребят, девочек, которых любили, строили планы на будущее. Жизнь была, оказывается, прекрасна и удивительна, нужно только правильно расставить акценты и не требовать за пределами. Взаимопонимание, вино, творчество – чего ж еще, мой друг?

Около полуночи позвонила женщина Вербицкого, и он собирался домой.

– Опомнилась! – саркастически бросил напоследок. – На коленях, в соплях, прощения просит. Я позвоню завтра, Гле-

быч. Бывай!

Глава 7

Явление

Здравствуй, уважаемый сайт shizenet. Мне 36 лет, я не женат. Уже очень давно меня беспокоят посторонние звуки и голоса в голове. Ночью, в момент погружения в сон, под черепной коробкой начинается шум, переходящий в слова...

Из письма на сайт shizenet.cru

Глеб проснулся ночью, словно его толкнули. Тьма стояла кромешная, хоть глаз выколи. Из раскрытого окна тянуло неприятным холодным сквознячком. Ему показалось, он услышал голос... шепот... где-то рядом. Глеб рывком сел в кровати – жалобно звякнули пружины, – и прислушался. Даже дышать перестал. В ушах тонко и противно зазвенело.

– *Кто здесь?* – явственно услышал он тихий и какой-то бестелесный голос.

Его обдало горячей волной – неужели снова галюники?

– *Кто здесь?* – повторил голос.

– Кто вы? – спросил Глеб, сглатывая и непроизвольно крестясь – во второй раз в жизни. В первый раз он сделал это, готовясь предстать перед приемной комиссией в театральное.

– *Я здесь живу. А вы?*

– Здесь никто не живет! – возразил Глеб, стараясь придать

голосу твердость и в то же время понимая абсурдность происходящего.

– *Я здесь живу. Вы кто?* – повторил голос.

– Человек, – ответил Глеб, помедлив. Можно не верить в... во все это при дневном свете, но сейчас, в крошечной тьме, вера его поколебалась – ему стало не по себе. Он чувствовал, как острым сквознячком тянет вдоль спины. – А... вы?

Ему показалось, он услышал вздох.

– *Тот же человек... Когда вы пришли?*

– Вчера. – Глеб больше не колебался. Голос спрашивал, он отвечал. – А вы?

Молчание, вздох. Потом:

– *Я здесь всегда... Вы кто?*

– Актер. А вы?

Ему не ответили. Прошла томительная минута, другая, третья... На первом этаже что-то упало. Глеб одним прыжком слетел с кровати и бросился к двери. Она была заперта, и он перевел дух. Спина оказалась совсем мокрой, сердце колотилось в горле. Он почувствовал, как дрожат руки, и пробормотал: «Однако...»

Ему не сразу удалось зажечь свечку. Неверный огонек осветил комнату, гору одежды на стуле, пустые бутылки на столе. Он запер окно, подумав, что завтра же нужно повесить хоть какую-нибудь тряпку, а то весь как на ладони... Хотя какие ладони? Ветки скрывают лучше всякой тряпки...

твердо решив докопаться до истины. Шариться, как сказал Виталий. Докопаться... Если удастся. Если она существует, истина. Равно как и владелец голоса. Или его источник...

Он внимательно осмотрел уже знакомую кухню-столовую, заглянул под столы. Изучил все ящики буфета, заглянул под ящики, ожидая бог знает чего – тайников, секретов, забытых любовных писем. Он прекрасно понимал, что в *такой* мебели, дешевой прессованной мебели для общежитий, никаких секретов скрываться не может, а лишь одни неприличные слова, вырезанные ножичком, но нужно было хоть чем-то себя занять.

После столовой он отправился в зал для приемов, забитый рухлядью, потыкал там щеткой, даже опустился на колени, заглянув под шкафы и перевернутые столы. Шкафы были пусты, в одном он нашел поясок от женского платья...

Ванная комната была совершенно пуста – с красными от ржавчины умывальниками и «откушенным» душем. Единственное ее окно было замазано белой краской. На подоконнике сиротливо стоял пустой и пыльный флакон из-под шампуня.

Следующая дверь, четвертая по счету, вела в комнату непонятного назначения – здесь ровным счетом ничего не было. На стенах остались белые пятна, напоминающие привидения – там, где когда-то стояла мебель. Стенной шкаф, который Глеб не сразу заметил, также оказался пуст. Из-за темной тряпки на окне здесь царил сумрак.

Последняя дверь вела в подвал. Он с трудом открыл ее, и оттуда дохнуло сыростью и гнилью. Изувеченные деревянные ступеньки вели вниз. Свеча осветила с десяток ступенек и кирпичную кладку стен, покрытых паутиной. Он постоял нерешительно, раздумывая. Оглянулся через плечо, прислушался. Тишина в доме стояла гробовая, а из подвала уже выползала наружу липкая густая чернота. Глеб поежился и закрыл дверь. Подумав, принес из кухни стул и подпер ручку. Все. Первый этаж готов. Чуждых элементов не выявлено. Можно приступать ко второму.

...Он медленно поднимался по визжащей лестнице. Ему в голову пришла мысль, что это хорошо! Хорошо, что она так... звучит! Этот треск и мертвого разбудит. Мысль была, с одной стороны, бодрящей, а с другой – не очень.

Он мельком заглянул в свою комнату. Там все было в порядке. Комнату наполнял зеленый свет, она даже показалась Глебу уютной.

Вторая комната – а всего с одной стороны их было четыре, а с другой три – оказалась закрыта. Глеб подергал за ручку, но несильно, опасаясь оторвать. Потом заглянул в комнату через замочную скважину, недоумевая: кому понадобилось запирать дверь на ключ и где этот ключ может теперь находиться? Комната была пуста – во всяком случае, ее видимая часть.

Третья комната была почти пуста – в углу лежала кипа старых пожелтевших газет. В четвертой находился раздол-

банный бугристый диван, журнальный столик и тумбочка со старыми журналами. И здесь было забито окно, что удивило Глеба – зачем?

Две комнаты по другую сторону тоже оказались практически пустыми, если не считать тряпья по углам. Третья дверь вела на чердачную лестницу. Эта дверь закрипела немазаной телегой и медленно, нехотя подалась от его толчка. Глеб снова зажег свечку, ступил на первую ступеньку и начал осторожно подниматься, держась рукой за перила. Тут было темно, и огонек свечи трепетал на сквозняке, пронизывающем дом. Глеб добрался до верхней площадки и увидел низкую дверь на чердак. Он подергал за ручку – дверь была заперта. Из-под щели внизу пробивался неясный свет. Глеб уже собирался прилечь на пол и заглянуть в щель, как вдруг услышал, как где-то далеко внизу оглушительно хлопнула дверь! В следующий миг воздушный вихрь пронесся по дому и погасил свечу в его руке. Глеб, оступившись от неожиданности, кубарем скатился с лестницы и растянулся на площадке внизу. В довершение ко всему дверь на чердачную лестницу с грохотом захлопнулась, и он оказался в крошечной тьме.

Ошеломленный падением, он стал на четвереньки и попытался подняться. И тут же охнул от боли в правом колене. Кое-как добравшись до двери, он налег на нее, но дверь не дрогнула.

– Японский бог! – воскликнул Глеб ошарашенно. – Что за

фигня? Пять минут назад эта чертова дверь была открыта! Привидения шалят?

Глеб попытался рассмеяться, но получилось неубедительно. Он вспомнил ночной голос и почувствовал, как спина покрывается холодной испариной.

Он стоял, привалившись спиной к стене, и ошалело соображал, что же теперь делать. Выругал себя за то, что не взял с собой мобильник. Потрогал колено и зашипел от боли. И в тот же момент услышал медленные и осторожные шаги за дверью. Ему показалось, что человек шел на цыпочках, замирая, словно прислушивался. Глеб собирался окликнуть его, но инстинкт самосохранения удержал рвущийся из глотки крик о помощи.

Он стоял под дверью, согнувшись в три погибели, инстинктивно стараясь занимать как можно меньше места, и напряженно вслушивался в приближающиеся шаги в коридоре. В голове билась мысль о том, что страх впаян в гены человека – он вспомнил читанную недавно заметку о том, что немцы нашли ген страха и определили, что страх передается по наследству. И никуда человек не денется...

Глава 8

Какое-то время назад. Любовь и ненависть. Двое в загородном доме

*Судьба замедлила сурово
На росстани лесных дорог...
Я ждал и отойти не мог,
Я шел и возвращался снова...*

Максимилиан Волошин. «Судьба замедлила сурово...»

...Они снова поссорились. Они ссорились все чаще в последнее время. Лара требовала от него развода, и Анатолий с тоской думал, что оказался меж двух огней. А ведь как красиво все начиналось! Лара – тонкая, нежная, женственная, такая непохожая на жену Ольгу. Ольга была сдержанной, бесцветной и немногословной, в постели она читала служебные отчеты – возмущенно фыркала и аккуратно правила карандашиком. Он исподтишка рассматривал жену... Лицо ее лоснилось от крема, между бровей залегла глубокая вертикальная морщинка... Бесцветные брови, бесцветные ресницы, короткие ногти с бесцветным лаком... Он вздыхал. К счастью, она была так занята работой, что ни о чем не догадывалась, взглядов его не видела и вздохов не слышала.

Лара по сравнению с ней была как родник с живой водой. Секс с Ларой был как взрыв, секс с Ольгой... Анатолий давно

забыл, каким был секс с женой. У них нормальные отношения, они делятся впечатлениями, рассказывают новости по работе, советуются друг с дружкой. Они друзья и партнеры. У Ольги мозги как счетная машина, она рациональна, сдержанна и никогда не опускается до базарных свар...

А Ларка наоборот... Ларкина крикливость безумно очаровывала его поначалу... Даже это засчитывалось ей в плюс. Живая, яркая, жадная до развлечений, никаких диет, все делает с радостью – пьет кофе, ест, одевается, расхаживает нагишом, всегда готова... ответить его желаниям, даже самым фантастическим... Всегда и везде! Он вспоминал, как он мчался на квартиру друга в обеденный перерыв, как, подыхая от нетерпения, стоял под дверью, поджидая Ларку, как сдергивал с себя галстук, чтобы не терять времени. Тогда у них еще не было «своей» квартиры, он снял ее потом – она влетает в копейку, – в центре, с прекрасной мебелью. Заслышав ее шаги, которые узнал бы среди тысяч других, он, не дожидаясь звонка, распахивал дверь и втаскивал ее внутрь. Объятия их были бурны, они впивались друг в дружку, Ларка уворачивалась, хохоча, а у него свет мерк в глазах. Ураган по имени Лара! Они падали на кровать, на диван, в кресло, даже на ковер на полу и... и... не разнимая рук, не разнимая губ... Она, извиваясь, стаскивала одежду...

Ольга никогда не позволила бы себе разгуливать по дому нагишом, и желания у нее были очень и очень... э-э-э... скромными в известном смысле.

Ох, Ларка! Восторг и боль! Потрясающая фигура, прекрасная кожа, густейшие волосы... Даже веснушки на носу как у Примаверы... И маленькие аккуратные ушки! Как она визжала от восторга, когда он подарил ей бриллиантовые сережки! С ней он чувствовал себя щенком – молодым, глупым и счастливым.

Он понимал ее мужа, который так безнадежно боролся за это чудо! Мелкий художник, вечная нехватка денег – что он мог ей дать? Ларка рассказывала, что он безумно любит ее, не дает проходу, в ногах валяется. Угрожает и бешено ревнует... Он ударил ее – она показала Анатолию синяк на руке, – схватил и не хотел отпускать. Анатолий целовал синяк, умирая от любви и желания.

Она строила планы их дальнейшей жизни, а он слушал и помалкивал. Решил для себя когда-то, что семейная жизнь его вполне устраивает, жена Ольга – достойнейший человек, у них свой круг, прекрасная работа, дом, друзья, рушить все это из-за... Ему казалось, что он раздвоился, и теперь их двое – он и другой *он*. *Первый* был полон чувств, готов бежать за Ларой на край света, он клялся в любви, верил себе и горел от молодого бурного нетерпения, а *другой* наблюдал за ним снисходительно... И оба, не сговариваясь, знали, что будет дальше.

Он думал, что Лара принимает правила игры, но, оказалось, ошибся – она стала все чаще заговаривать о будущем. Их совместном будущем. И Анатолий наливался тос-

кой, предвидя, что разрыв будет болезненным. Не дай бог узнает Ольга! Прекрасная работа, которая обломилась благодаря подруге Ольги Татьяне – ее муж был его, Анатолия, начальником... Татьяна, испугавшись за свой собственный брак, сделает все, чтобы он оказался на улице. И ребенок... В свое время на семейном совете они с Ольгой решили, что ребенок им не нужен... Пока, а там видно будет. Он, Анатолий, не готов... Он представил себе крики, болезни, бессонные ночи, вечное раздражение Лары – какая из нее мать! Девчонка! И сексу конец. И ему, Анатолию, тоже конец.

Лара спала, а к нему сон не шел. Он лежал, прислушиваясь к ее тихому дыханию, и вспоминал, как целовал ее, спящую, а она не то спала, не то притворялась, подыгрывая ему, и он, теряя сознание от возбуждения, был осторожен и медлителен, боясь разбудить ее...

Что же делать? Она угрожает рассказать все Ольге. И, опять-таки, ребенок... Ларка пойдет до конца... Такие, как она, всегда идут до конца, им нечего терять, и они не боятся скандала. Он говорил себе, что все его друзья уже во втором браке, что ничего страшного не произойдет... Тем не менее, понимая, что жена из Ларки никудышная. Гулять ночью, спать до обеда, жить на одном кофе и чипсах, ужинать в ресторане... тусоваться до упаду... меняться партнерами. Богема в самом расхожем о ней представлении. И он, Анатолий, застегнутый на все пуговицы, привыкший к галстуку и свежей рубашке каждый день, к работе по двенадцать часов

в сутки... Готов он ради любви разрушить свой мир? Свою жизнь? Не любви, а постели – давайте уж посмотрим правде в глаза!

Может, поговорить с ее мужем, мелькнула у него мысль. Сказать ему... что? Забирай свою Лару, я уже наигрался? Даже не смешно.

Ему не хотелось спать. Он поднялся. Побрел на кухню. Поморщился при виде немытой посуды – Ольга никогда не оставила бы немытой посуды. Надел фартук хозяйки и принялся мыть посуду – ему нужно было хоть чем-то себя занять. Закончив, подумал, не протереть ли пол, но махнул рукой – ему хотелось сесть, взять сигарету и... ни о чем не думать. Закрыть глаза, отпить кофе, затягиваться...

Что же делать?

Глава 9

Продолжение знакомства

Мне нравится, что вы больны не мной, Мне нравится, что я больна не вами, Что никогда тяжёлый шар земной Не уплывет под нашими ногами...

Марина Цветаева

...Кончался рабочий день. Народ шумно собирался домой. Всех где-то ждали. Ольга Борисовна взглянула на визитную карточку художника – маленький белый прямоугольник с именем и телефоном. Не дождетесь! Она смахнула карточку на пол. Вот вам! Нахал!

Потом стала набирать номер по памяти. Загадала: если ошибется – так тому и быть, судьба; не ошибется – посмотрим.

Он ответил сразу, как ждал. Не удивился.

– Знаете... – начала неуверенно Ольга Борисовна. – Вы сказали... пригласили...

– Я выезжаю сегодня в ночь.

– Почему сегодня? – вскрикнула Ольга Борисовна. – Я не успею собраться!

– Не хочется пропускать зарю. И рыба клюет на рассвете как зверь. Ничего не нужно, там нет людей. Возьмите купаль-

ный костюм и пару свитеров. Утром холодно. Можно зубную щетку. Я заеду за вами в девять. Успеете?

– Успею, но...

– Давайте адрес! – перебил он.

«Нет, ну каков нахал! – возмутилась Ольга Борисовна запоздало. – Зубную щетку!»

Она сидела, уставившись в пространство. Думала. Порыв прошел, и она уже жалела, что позвонила художнику. Еще не поздно отказаться. Ну его к черту! Сомнительный, скользкий тип. Рука потянулась к телефону. Но тут она представила себе пустую квартиру, тишину, бесконечные одинокие вечера, надоевший телевизор – и убрала руку.

...У художника оказалась вполне приличная машина, «Хонда Аккорд». Не новая, но вполне приличная. Темно-синяя. Ольга Борисовна расположилась рядом с ним, и они тронулись в путь. На север, на его дачу, что рядом с рекой. Она смотрела в окно, вернее, делала вид, что смотрит, а сама разглядывала художника – украдкой, короткими пулеметными очередями. Как сказала однажды приятельница Татьяна об очередном любовнике: нормальный мужик – маленькие глазки, большой нос. Художник был тоже нормальный мужик – большой нос, ежик волос, узкий рот. Руки-ноги на месте. Кадык в вороте клетчатой рубашки. Царапина на правой руке. Почувствовав ее взгляд, он вопросительно повернулся.

– Еще долго? – поспешно поинтересовалась Ольга Борисовна.

– Часа два. Устали?

Ольга Борисовна промолчала.

Они съехали с шоссе. Машина завилыла по лугу и нырнула в лес. Свет фар выхватывал стволы деревьев, кусты, а один раз даже рыжую косулю, стремглав метнувшуюся от машины. Ольга Борисовна вскрикнула. Выбоины с водой, ветки кустов, царапающие оконное стекло, взлеты и падения – это было бесконечно. Но вдруг все закончилось. Машина остановилась.

Измученная, Ольга Борисовна выбралась из машины, стала на неверные ноги, полной грудью вдохнула холодный сырой воздух.

– Дорога, конечно, не автобан, – заметил художник, улыбаясь. – Зато добраться практически нереально, тут никто не ездит. А значит, никакой толпы. Добро пожаловать в мой дом!

Дом! Громко сказано! Скрюченный деревянный домик, недоразумение, рыбацья хижина, а не дача. Дачи в понимании Ольги Борисовна выглядели совсем иначе. И, похоже, это недоразумение было здесь единственным. Среди девственной природы. Покосившийся плетень, заросший травой дворик, лопухи до крыши.

– Это дом? – не удержалась Ольга Борисовна, вкладывая в эту короткую фразу изрядно сарказма и иронии.

– Это Ларкина дача, – ответил художник, с трудом растворяя скрипучую дверь. – Наследство от бабки. Прошу!

Внутри было сухо, тепло и пахло пылью. Он зажег лампу. Затрещал фитиль. Неверный огонь осветил углы, стол, несколько табуреток, колченогий деревянный топчан, криво висящую ситцевую занавеску. Обстановка.

– Располагайтесь, Ольга... Борисовна!

Ольга Борисовна выразительно посмотрела на топчан, перевела взгляд на художника.

– Я в спальнике во дворе, – сказал он. – Сейчас костерок, чайку заварим на травах! Осваивайтесь и выходите.

Похоже, он не испытывал ни малейшего смущения от того, что привез ее в этот... эту дыру!

– Я устала и хочу лечь, – сказала Ольга Борисовна сухо.

– Разбудить вас утром? Хотите посмотреть восход?

– Нет. Спокойной ночи.

Он ответил: «Спокойной ночи», и вышел. А она осталась. В странном месте, в странное время, в компании странного человека, который будет спать в спальнике за дверью. На улице. Она села за стол и задумалась. Из-под прикрытой двери тянуло легким сквознячком. Колебалась ситцевая занавеска. На кривых нечистых стенах шевелились тени. Ольга Борисовна вытянула руку. Громадная тень пробежала через потолок, уткнулась в стену – кривая палка с отростками. Пахло пылью и сеном. Она встала, подошла к двери, осторожно потянула. Дверь со скрипом подалась. Снаружи было свежо. Светила луна. Двухмерный мир вокруг был как черное серебро. Она спустилась с крыльца. С подветренной

стороны дома чисто и ярко горел костерок. Вениамин Павлович сидел на бревне и смотрел в огонь. На земле около него стояла кружка. Вдруг он сказал, не оборачиваясь:

– Хотите чаю?

Ольга Борисовна вздрогнула. Подошла ближе. Он налил из закопченного чайника в щербатую кружку. Протянул. Она, поколебавшись, взяла. Кружка обожгла пальцы. Чай пах удивительно.

– Это чабрец, ромашка и шалфей. Сам собирал, чистый продукт. Экология тут потрясающая. Он без сахара.

– Спасибо.

Она уселась на бревно напротив. Пригубила чай. Вкус – горьковатый. Ей было некомфортно. Хотелось что-то объяснить ему, доказать, что-то недосказанное висело в воздухе, требовало слов и фраз.

Вениамин Павлович вдруг поднялся и ушел в дом. Вернулся с ватным одеялом и подушкой, бросил на траву.

– Ложитесь!

– Что? – Ольга Борисовна так растерялась, что даже встала с бревна.

– Ложитесь и смотрите на звезды. Костер сейчас догорит.

– Но...

Он взял ее за руку, заставил сесть на одеяло. Рука у него была железная. Ей стало страшно. Мгновенный ужас пробежал по спине.

– Не бойтесь, Ольга Борисовна. Я не буду к вам приста-

вать. Честное слово! И вообще, я гей.

– Что? – пролепетала она.

– Гей. Такая сексуальная ориентация. Для дам не опасен. Ложитесь! Я покажу вам небо в алмазах.

«Ненормальный, – подумала она неуверенно. Легла. Оде-
яло оказалось мягким, от него пахло сыростью и немного
псиной. – Неужели правда гей? Богема! А вдруг бисексуаль-
ный?»

– Смотрите же! Вверх смотрите! И расслабьтесь, здесь ни-
кого нет. Я отвернулся. Ну!

Она посмотрела. Вверху было светло от больших и ма-
леньких звезд. Ей показалось, что они медленно поворачива-
ются вокруг невидимой небесной оси. Гигантская рука нето-
ропливо мешала небесное варево в небесном котле. Она про-
пустила момент, когда *вступила* в это кружение. Вступила,
раскинула руки и полетела. Маленькая точка среди звезд...

Было очень тихо. Догорал костер. Она повернула голову.
Художник лежал с другой стороны, забросив руки за голо-
ву. Красноватый огонь освещал его профиль – крупный нос,
резкий подбородок. А другая половина в темноте, подума-
ла она вдруг. Как планета. Человек-планета. Неужели гей?
Она чувствовала необъяснимое разочарование и еще что-
то... еще что-то... обиду?

Тихо, светло. Стена леса вокруг. Невидимая река. Ей по-
казалось, она слышит плеск воды. Небесное кружение. Она
не заметила, как уснула...

...Разбудил ее шорох. Она скосила глаза, стараясь не шевельнуться. Был день. Из травы выглядывал... Сначала она подумала, что это собака. Потом сообразила, что лиса. Маленькая, темно-рыжая, с черными ушами. С поднятой передней лапкой. Глаза их встретились, зверек бесшумно попятился и исчез в лопухах. Ольга Борисовна осознала, что лежит на одеяле, во дворе, накрытая тяжелой... периной? Оказалось, замызанной кожаной курткой на меху. Светило солнце. Трава была еще мокрая. Сверкала роса. Было свежо, цвиринькали птицы. Сорвался ветерок, зашелестели ветки.

Ольга Борисовна отбросила куртку и села. Пробежалась рукой по груди, застегнутым джинсам. Осмотрелась. Днем все здесь было другим. Домик тонул в зелени. По обе стороны скособоченного крыльца росли гигантские мальвы с бордовыми цветками. В траве посверкивали блеклые голубые колокольчики и мелкие розовые звездочки. На месте костра – седая кучка золы. Ольга Борисовна стянула с себя свитер и пошла в дом.

Достала из сумки зубную щетку и шагнула за занавеску, ожидая найти там умывальник. Но там был лишь старый шкафчик с посудой. Из-под пожелтевшей газеты на полу выглядывали рулоны холста. Ольга Борисовна подняла верхний, развернула: свинцовая река, грозовые тучи, пригнутые ветром ветки ив. Опять! А что-нибудь, кроме туч, подумала она. Развернула следующий рулон и замерла с вытянуты-

ми руками. На холсте была изображена девушка. Она сидела на деревянном крыльце в мужской распахнутой рубашке, босая. Видна была грудь, маленькая округлая грудка. Солнце било ей в лицо, она смеялась. Видны были веснушки на носу. Лариса? Ларка? Ольга Борисовна свернула холст в рулон и положила на место. Прикрыла газетой и вышла из дома.

Река оказалась совсем рядом – неширокая, небыстрая, гладкая. Берег, на котором стояла с полотенцем и зубной щеткой Ольга Борисовна, был пологий, а противоположный – обрывистый. За рекой, насколько хватало глаз, виднелся луг. Здесь – полоска пляжа, песок и заросли ивняка. Нос Ольги Борисовны уловил незнакомые запахи. Пахла речная вода – болотом, травой и рыбой; мокрый песок; зелень. Всюду были разбросаны черные ракушки мидий.

На той стороне вода вымыла пещерку, на козырьке чудом держалась осина. Белые корни пронизывали пещеру и уходили в воду. Осина изо всех сил цеплялась за жизнь. Ольга Борисовна подумала, что дерево скоро упадет. Ствол был черно-зеленый, листья – круглые и серебристые. Из воды упруго торчала сочная болотная трава с кисточками бело-розовых цветов. Сверху висело акварельное облачко, одно-единственное в бесконечной синеве.

И ни души – только она, Ольга Борисовна, между небом и землей. Как бельмо на глазу. Неуместная. С зубной щеткой, которая здесь тоже неуместна.

Художника нигде не было видно. Ольга Борисовна зяб-

ко повела плечами. Вспомнила, что у дома видела машину. Значит, не уехал. Мысль была вполне глупой, но разве мы властны над своими мыслями? Еще она подумала, что никогда еще, ни разу за всю свою жизнь, не была до такой степени одна! Первозданно одна. Брошена на произвол природы. Вот она, природа! Осина и река. И она, Ольга Борисовна, – инородное тело!

Вода в реке оказалась неожиданно холодной. Мягко просвечивало песчаное дно. Оно неторопливо уходило в глубину, вода темнела, и дальше дна уже не было. Ольга Борисовна умылась. Вскрикивая, зашла в воду по колено. Постояла. И вдруг, подпрыгнув, рухнула, подняв фонтан брызг. Ушла в воду с головой, вынырнула, охнув. И поплыла на другой берег.

И уже оттуда увидела художника. Он неподвижно сидел с удочкой за поворотом реки. В соломенной шляпе. Рядом – белое пластиковое ведро, видимо для добычи. Он помахал ей, но она сделала вид, что не заметила.

Цепляясь за корни, выбралась на противоположный берег и пошла в луг.

И тут же бесконечное пространство обрушилось на нее. В мире остались только две краски – голубая и зеленая. А она посередине – связующим звеном. Тропинка была теплой и мягкой. Ольга Борисовна шла и шла в неизвестность по теплой и мягкой тропинке. Трава хлестала по ногам, жужжали... Все жужжало и звенело! Не звенело, а верещало от

восторга и радости жизни!

Солнце начало меж тем припекать. Замигало впереди ма-рево – бочажок – голубой глаз. Стрекозы чиркали-пикировали в воду, у самой поверхности взмывая кверху...

А она все шла. А потом свернула с тропинки и улеглась в траву. Зажмурилась, под веками стало красно. Вспомнила девушку с картины. Наверное, Ларка. Больше некому. Соперница. А она, Ольга Борисовна, на ее даче. В гостях у соперницы. А где хозяйка? В командировке?

Над лицом Ольги Борисовны покачивался стебель, по нему ползла зеленая букашка. Другая ползла по ее ноге. Третья по плечу. Ее, похоже, приняли в зеленый клуб, и теперь она здесь своя...

Глава 10

Продолжение знакомства (заключение)

...Солнце стояло в зените, когда она подходила к реке. Откуда-то тянуло дымом. На том берегу показался Вениамин Павлович, обнаженный до пояса, и махал рукой.

Вода была обжигающе холодной. Ольга Борисовна выбралась из реки. Художник с интересом наблюдал.

– Вы обгорели! Не больно?

– Нет. Как рыба?

– На уху есть. Сомик и два леща. Пошли завтракать. Я обещал вам баранину.

Он пропустил ее вперед и сказал в спину:

– У вас хорошая фигура.

Ольга Борисовна притворилась, что не услышала.

В тени дома был сервирован стол. Посередине – блюдо с мясом, по бокам две тарелки с зеленью, помидорами и огурцами. Хлеб. Бутылка красного вина. А запах! Это же с ума сойти, какой тут стоял запах! Ольга Борисовна невольно сглотнула.

– Прошу! – Художник повел рукой.

Ольга Борисовна села.

– Я готов скушать собаку, – сказал художник. – Я еще вче-

ра собирался, но вы отключились. А одному не хотелось. Как пахнет, а?

Ольга Борисовна кивнула.

– Как спалось?

– Нормально. Я видела лисичку!

– Здесь их много. Людей нет, до ближайшей деревни тридцать километров. Вода холодная, не замерзли?

Он отломил кусочек хлеба, сунул в рот.

– Почему она такая холодная?

– Родников много. Зато чистая, как слеза.

– Я видела ваши картины. Это... Лара?

– Она.

– А вы... вы развелись, потому что вы... гей?

– Я... кто? – Художник поперхнулся и недоуменно на нее уставился.

– Гей! Вы же сказали!

– А! Ну да. Нет, не поэтому. Да мы и не разведены.

– Но вы же сказали!

– Я сказал, что мы не живем вместе.

– Но если вы не живете вместе, то почему не разводитесь?

Художник пожал плечами. Разлил вино по стаканам. Потер руки, крикнул.

– Эх, хорошо! Давайте, налетайте!

Он залпом выпил вино, вцепился зубами в мясо. Откусил от краюхи хлеба, сунул в рот половину помидора и пучок зелени. С треском зажевал. Снова налил вина.

– Ну как? – выговорил с набитым ртом.

Ольга Борисовна кивнула. Пригубила вино. И только сейчас почувствовала, как проголодалась. От запаха еды ее замутило. Мясо было необычным на вкус и, кажется, не вполне готовым – сочилось кровью. Она снова отхлебнула вина. И тут же опьянела. И залпом допила. Утерлась рукой. И пошла в атаку:

– Вы считаете, это правильно?

– Что? – не понял художник.

– Ну, вот так жить, как вы! Вам же на все плевать! Ни семьи, ни денег, ни работы! Даже не разводитесь, потому что вам плевать!

Вениамин Павлович смотрел на нее молча, даже жевать перестал.

– Думаете, я не понимаю? Вы же осуждаете меня, считаете мещанкой! Вы богема, а я... Я! – Ольга Борисовна даже немного заикалась от возбуждения. – Я же вижу, как вы смотрите на меня! С головой на блюде! Кранах! Ваша ирония насчет моего мужа неуместна! Он... он достойнейший человек – мой муж! – Вспомнив мужа, Ольга Борисовна едва не заплакала. – Да, я борюсь за него! Да! За семью! И вообще! За все нужно бороться, а не... не... по течению! За все! За дружбу, за любовь, за место под солнцем! Ничего не дается даром! Ни-че-го! – Она помотала пальцем перед носом художника. – Жизнь – это борьба! Это вам не плакаты по жэкам... мазать. А вы осуждаете! Вы... Да кто вы такой,

чтобы... Видеть вас не могу! И ваши картины! На фоне яблок! В костюме Евы! Хотите... я разденусь? – С Ольгой Борисовной творилось что-то невообразимое.

– Не нужно, – сказал Вениамин Павлович, с любопытством на нее глядя. – У меня хорошее воображение.

Он пододвинул ей полный стакан.

– Да как вы смеете!! – Ольга Борисовна схватила стакан, отхлебнула и закашлялась.

– Закусывайте, а то, не дай бог, опьянеете.

– Ненавижу! Молчать! Вам и возразить нечего!

– Нечего, – признал он. – Кругом виноват. Возьмите кусочек, вот. И хлебушка. Молодец! Пить будете?

– Убирайтесь! Я не могу вас видеть! Вы... из... ив... извращенец! – Она всхлипнула и расплакалась.

– Художники – ребята такие, – согласился Вениамин Павлович. – С ними ухо остро держать надо. А вот мы сейчас полегонечку, потихоньку – и в тенечек, на травку. Это у нас от свежего воздуха, кислородный шок. Отдохнем, придем в себя. А там и уха подоспеет.

Приговаривая, он вытащил Ольгу Борисовну из-за стола. Она сопротивлялась, кажется, даже попыталась укунить его за руку.

– Не хочу уху!! – выкрикивала Ольга Борисовна, отбиваясь. – И вообще мне домой надо!

Вениамин Павлович положил ее на спальный мешок, прикрыл кухонным полотенцем. И вернулся к прерванному

позднему завтраку. Он жевал мясо и зелень, с удовольствием поглядывая на спящую Ольгу Борисовну. Пил вино. Когда закончилась бутылка, принес из машины другую.

...Ольга Борисовна проснулась на закате. Все вокруг было залито густым оранжевым светом. Она, охнув, поднялась. Болела голова. Горели плечи и спина. Во рту было омерзительно. И тем не менее хотелось есть. Она подошла к столу. В черной сумке на длинном ремешке, в бумажном пакете лежали хлеб и мясо. Она взяла пакет и пошла на берег. Уселась на песок и стала есть.

Она жевала и смотрела на реку. Вода полыхала огнем, небо из голубого стало синим. Осина на том берегу все еще держалась. Плескалась рыба. Большая черная мидия незаметно глазу передвигалась к воде. За ней в песке тянулась глубокая влажная борозда.

Поев, Ольга Борисовна пошла по берегу куда глаза глядят. Художника не было видно, видимо, он все еще ловил рыбу... Где-то там. Она смутно помнила, что они, кажется... поговорили. Она сказала ему все, что о нем думает. Как оказалась на спальном мешке, она не помнила.

«Терпеть не могу красное вино!» – сказала она себе, как будто оправдывалась.

...Когда она вернулась, у дома горел костер. На перекладине висел казан. Вениамин Павлович стоял рядом, мешал ложкой. Лицо у него было одухотворенным. Сильно пахло

лавровым листом и дымом.

Ольга Борисовна переделалась и подошла к костру. Протянула руки.

– Накрывайте на стол! – строго сказал художник. – Посуда за занавеской.

Они в молчании ели уху. Ольга Борисовна наконец выдала из себя:

– Вы извините... Я, кажется, наговорила лишнего.

Художник задумался. Поднял брови, вытянул губы трубочкой, покивал печально.

– Да нет, все правильно. Вы все правильно сказали. Я не борец. Я плыву по течению. Я шут, я циркач...

Ольга Борисовна взглянула подозрительно – издевается?

– А если серьезно... Знаете, ценности бывают разные. Мои... – Он не закончил фразы, обвел взглядом заросший дворик, деревья, костер.

– Это не ценности! – немедленно взвилась Ольга Борисовна. – Это просто... есть. Ценности нужно заработать. Ценности – это счет в банке, престижная школа для детей, хороший врач. Это картины в галерее, а не на полу под газетой! Ценности – это прочный мир. А ваш мир...

– А ваш мир прочный? – перебил он. – Зачем вам человек, за которого нужно бороться? Вы что, любите его?

– Люблю!

– Не врите! Он что, одна из ваших ценностей? Собственность?

– Не ваше дело! Вам не понять.

– Когда-то жены бегали в партком.

– Я бы не побежала!

– Конечно, нет. Вы умная женщина, вы бы не стали портить ему карьеру. Вы бы встретились с мужем любовницы...

– По-вашему, я должна ее жалеть? А что бы сделали вы?

– Не знаю. Да и не подходят вам мои рецепты.

– То-то. Может, я и не права, но...

– Вранья не хочется, – сказал он примирительно. – Последнее дело – вранье. Смотреть в глаза и врать...

Ольга Борисовна почувствовала, как защипало в глазах. Только не разреветься!

– Хотите вина? – спросил художник.

Она кивнула:

– Чуть-чуть.

Художник рассмеялся. Ольга Борисовна тоже рассмеялась и сказала:

– Мой муж уехал в командировку. Подозреваю, с вашей женой. А я тут с вами.

– Вот горе-то! Что же нам теперь делать?

Они посмотрели друг на друга и снова рассмеялись.

– За ценности! – сказал он, поднимая стакан.

– Аминь! – вырвалось у Ольги Борисовны.

* * *

...Разглядывая себя в зеркале, Ольга Борисовна отметила, что загар ей к лицу. Она была дома, в своей розово-голубой ванной комнате с зеркальными шкафчиками и десятками нарядных баночек и флаконов. Глаза стали ярче, губы обветрились, даже обгоревший нос не портил впечатления. Руки же от мытья посуды...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.